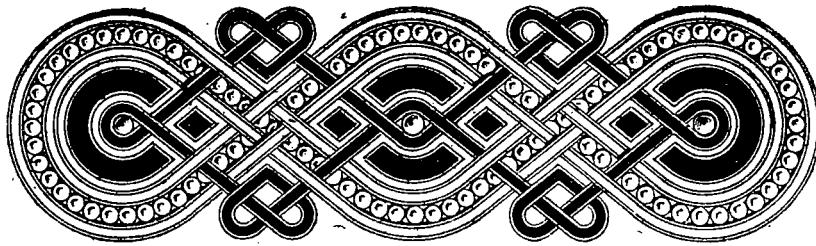

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ
ЮНЬ, 1915 Г.

М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

(На Сыръ-Дарьинской линії).

ЯТНАДЦАТОГО іюня этого года истекаетъ ровно пятьдесят лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ крошечнаго отряда, затеряннаго въ знойныхъ дебряхъ Средней Азіи, Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ покорилъ къ подножью русскаго престола Ташкентъ, столицу Кокандскаго ханства.

Этимъ подвигомъ воинной доблести и государственной мудрости, вопреки приказа военнаго министра «не отваживаться на штурмъ», Михаилъ Григорьевичъ упрочилъ наше положеніе въ Средней Азіи, какъ онъ доносилъ въ свое мѣсто рапортъ, «согласно силѣ и могуществу Россіи».

Дальнѣйшія наши завоеванія были естественными послѣдствіями этого основного, кореннаго события. Съ тѣхъ поръ расширение нашихъ границъ на этой окраинѣ можно уподобить разливу обширной рѣки, постепенно избытокъ своихъ водъ покрывающей прелегающія мѣстности.

Когда въ 1863 году былъ поднятъ вопросъ о необходимости замкнуть разорванную линію нашихъ крѣпостей Казалинска и Вѣрлаго, то нельзя было въ Россіи найти болѣе подходящаго по знанію края военачальника, нежели М. Г. Черняевъ, совершенно неожиданно завершившій это скромное предпріятіе громкимъ завоеваніемъ цѣлаго ханства.

Воинъ по семейнымъ традиціямъ, по призванію и воспитанію, онъ прошелъ высшій курсъ военныхъ наукъ въ академіи генераль-

наго штаба, а на поляхъ Молдавіи и Валахії, въ Севастополь и на Кавказѣ вникнулъ въ многообразную практику военного искусства.

Но, кромѣ этихъ основательныхъ практическихъ и теоретическихъ данныхъ, онъ обладалъ специальными глубокими знаніями Средней Азіи, проведя съ 1858 года около двухъ лѣтъ на Сырь-Дарьинской линіи; аванпостъ нашихъ владѣній.

За это время, изъѣздивъ эту страну буквально вдоль и поперекъ, онъ составилъ себѣ яркую и подробную картину всѣхъ условій мѣстной жизни, природы, а главное вникъ въ характеры различныхъ тамошнихъ племенъ и народовъ, понялъ ихъ духовную сущность и взаимоотношенія.

Въ свободное отъ занятій и командировокъ время онъ основательно ознакомился съ русской и иностранной литературой по географіи и истории Средней Азіи.

Но при этомъ нужно замѣтить, что, обладая яснымъ умомъ, онъ всегда практику и здравый смыслъ ставилъ на первомъ планѣ, возмущаясь преобладаніемъ надъ ними отвѣченыхъ теорій.

Въ 1857 году Михаиль Григорьевичъ находился въ царствѣ Польскомъ, въ должности начальника штаба 3-й пѣхотной дивизіи, но, будучи воиномъ по природѣ и любя картинность и тревоги боевой жизни, онъ просилъ перевода въ Оренбургъ, где можно было предположить расширение нашихъ владѣній, а слѣдовательно и военныхъ дѣйствій.

Въ концѣ ноября 1857 года онъ былъ назначенъ состоять при отдѣльномъ оренбургскомъ корпусѣ и тотчасъ же въ декабрѣ прибылъ къ мѣсту своего назначенія, где начальникомъ края и корпуснымъ командиромъ былъ въ то время генераль-адъютантъ Катенинъ.

М. Г. Черняевъ, въ то время еще молодой, но уже опытный боевой полковникъ генерального штаба, прекрасно владѣвшій перомъ, многосторонне образованный и дѣятельный, былъ весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ для этой отдаленной окраины, и начальство стало употреблять его на самыя разнообразныя работы и порученія.

31-го марта 1858 года онъ былъ посланъ съ капитаномъ первого ранга Бутаковымъ оренбургскимъ генераль-губернаторомъ въ фортъ Перовскій, въ распоряженіе командующаго Сырь-Дарьинской линіей генераль-маиора Данзаса съ тѣмъ, чтобы по утвержденію штатовъ линіи занять тамъ мѣсто начальника штаба.

Въ то отдаленное отъ насъ время Сырь-Дарьинскую линію составляли три форта, расположенныхъ вдоль рѣки Сыра.

При широкомъ устьѣ ея; образующемъ цѣлое озеро Иланда-Телепъ, до впаденія ея въ Аральское море стоитъ фортъ № 1, или Казалинскъ, затѣмъ фортъ № 2, а на югѣ, крайнемъ предѣлѣ

со стороны Оренбурга нашихъ тогдашнихъ владѣній, была Акъ-Мечеть, или фортъ Перовскій, названный такъ въ честь его покорителя.

Казалицкъ отстоитъ отъ Перовска на разстояніи 316 верстъ. Обѣ эти крѣпости совмѣстно съ фортомъ № 2 расположены на правомъ берегу Сыръ-Дары, благодаря чему онъ отражены этою гигантскою рѣкою отъ нападенія азіатовъ съ запада.

На востокѣ же отъ нея бродили въ то время въ степяхъ и пустыняхъ племена, подвластныя частью намъ, частью различнымъ азіатскимъ деспотамъ.

Хлѣбное зерно, скотъ и фуражъ для лошадей добывались русской властью на мѣстѣ, все же осталъное, нужное для жизни, обмундированія и вооруженія гарнизоновъ, привозилось изъ Оренбурга и развозилось по фортамъ на транспортахъ, сопровождаемыхъ казаками.

Караванная дорога между Казалинскомъ и Перовскомъ находилась въ самомъ первобытномъ состояніи, заносимая по мѣстамъ песками, а по другимъ въ половодье заливаемая многоводною Сыръ-Дарьею.

Между фортами на Сыръ-Дарѣ предполагалось устройство пикетной дороги, то есть установление по ней ряда казачьихъ пикетовъ. Ближайшее назначеніе ея было двоякое: во-первыхъ, ускореніе почтоваго сообщенія взамѣнъ существовавшаго медленнаго и малонадежнаго посредствомъ киргизскихъ посыльныхъ, и, во-вторыхъ, для избѣжанія наряженія конвоя для транспортовъ и проѣзжающихъ на разстояніи болѣе 300 верстъ отъ форта до форта.

Съ устройствомъ же дороги конвой долженъ былъ смыняться на каждомъ пикетѣ.

Тотчасъ по приѣздѣ Михаила Григорьевича въ Казалинскъ эта работа была возложена на него генераль-майоромъ Дапзасомъ. Черняевъ со свойственной ему добросовѣтностью тщательно изслѣдовавъ эту невѣдомую дотолѣ прирѣчную полосу великой азіатской рѣки и выбралъ вдоль ея мѣста для девяти пикетовъ, руководствуясь при этомъ различными практическими соображеніями относительно фуражировки и продовольствія казаковъ.

Подробный рапортъ по этому дѣлу былъ имъ поданъ генералу Дапзасу.

Командировка въ степь составила первое и многостороннее ознакомленіе будущаго покорителя Ташкента съ дѣрями Средней Азіи, съ ся природой, характеромъ и обычаями ся обитателей.

Едва успѣль Михаилъ Григорьевичъ отдохнуть въ Казалинскѣ послѣ изслѣдованія пути до Перовска, какъ въ первыхъ числахъ июня онъ выступилъ въ экспедиціи капитана Бутакова на судахъ Аральской флотиліи къ городу Кунграду, расположенному на одномъ изъ рукавовъ Аму-Дары при впаденіи ея въ Аральское море.

Флотилія состояла изъ одного парохода «Перовска» и п'ять сколькихъ баржъ.

Обязанности Михаила Григорьевича въ качествѣ офицера генерального штаба заключались въ изслѣдованіи береговъ Аму и въ начальствованіи надъ сухопутнымъ десантомъ флотиліи.

Кунградцы, бывшіе даниками хивинскаго хана, только что объявили свою независимость, выбравъ самостоятельного правителя, Магометъ-Фаны. Хивинскій ханъ осадилъ Кунградъ, откуда были посланы въ Казалинскъ ходатаи съ просьбой о помощи. Для оказанія поддержки кунградцамъ русская власть и спарядила капитана Бутакова.

Объ этой, по его словамъ, «оригинальнѣйшей и сумасшедшеї» экспедиціи Черняевъ оставилъ любопытный дневникъ, который при семъ и воспроизведимъ.

«Въ семь часовъ утра 19-го іюня 1858 года снялись мы съ якоря и вошли въ Кичкине-Дарью, поднимаясь по рѣкѣ со скоростью двухъ верстъ въ часъ. Въ тѣхъ же изгибахъ, гдѣ вѣтеръ позволялъ подымать паруса на баржахъ, ласть показывалъ $4\frac{1}{2}$ узла въ часъ, но при этомъ нужно вычесть быстроту теченія, на что полагаютъ здѣсь два узла.

«Въ четверть двѣнадцатаго мы подошли къ Улькунъ-Дарью, гдѣ силою теченія нась снесло къ правому берегу, но мы тотчасъ же поправились и, поднявъ паруса на всѣхъ судахъ, двинулись со скоростью четырехъ миль въ часъ. При отдѣленіи Кичкине-Дары изъ Улькунъ-Дары построена кара-калпаками крѣпостца изъ дерна, имѣющая въ квадратѣ до 150 саженъ. Вышина бруствера, почти отвѣснаго, около полуторы сажени. Внутренность крѣпостцы густо занята кибитками, также и ближайшая мѣста вокругъ. Вообще на всемъ пространствѣ отъ устья Кичкине-Дары до Улькуна разбросаны во множествѣ кибитки кара-калпаковъ, занимающихъ здѣсь землепашествомъ и рыболовствомъ.

«Берега Дары здѣсь низменны и представляютъ совершенно горизонтальную поверхность на $7\frac{1}{2}$ аршина выше поверхности воды въ рѣкѣ во время разлива.

«У кара-калпаковъ есть множество лодокъ, построенныхъ изъ небольшихъ кусковъ дерева, скрѣпленныхъ желѣзомъ. Управляются они въ неглубокихъ мѣстахъ шестами, а весла замѣняются лопатами. Употребленія парусовъ они не знаютъ.

«Во время слѣдованія нашего полудніе обитатели этихъ мѣстъ выбѣгали къ берегу, чтобы смотрѣть на столъ необыкновенное для нихъ зрѣлище. Женщины держались поодаль, вѣроятно, опасаясь, дабы не привлечь насть своими прелестями, которыя выказывались изъ-подъ рубищъ.

«Положеніе кара-калпаковъ весьма бѣдственно, о чёмъ можно заключить по ихъ одѣждѣ, состоящей буквально изъ однихъ рубицъ, а пѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ чѣмъ прикрыть отъ палящаго зноя верхней части тѣла. Дѣти почти вся нагія. Нѣсколько человѣкъ, бывшихъ у насъ на судахъ, сами подтверждали это, говоря, что опредѣленной подати у нихъ неѣтъ, но что хивинцы берутъ съ нихъ все, что только могутъ. Кроме того, они подвергаются нападеніямъ туркменовъ, противу которыхъ и построены крѣпостцы ихъ. Число кибитокъ, видѣнныхъ нами съ парохода, доходитъ до десяти тысячъ, не менѣе.

«Пройдя нѣсколько верстъ по Улькунъ-Дарьѣ, мы встрѣтили еще крѣпостцу наподобіе первой. Живущіе въ ней и кочующіе вокругъ киргизы и кара-калпаки въ числѣ около тысячи кибитокъ выбѣжали всѣ на берегъ смотрѣть на насть. За этой крѣпостцой вскорѣ прекратились кочевья, и мы вступили въ камышы, залитые въ настоящее время водой.

«Въ половинѣ девятаго мы бросили якоря для почевки. Ночлегъ нашъ былъ очень безпокоенъ: миллиарды комаровъ искусали насъ такъ, что можно было подумать, что мы больны крапивной лихорадкой. Въ четвертомъ часу мы тронулись дальше по тѣмъ же камышамъ.

«Улькунъ-Дарья, повидимому, составляеть главное русло. Глубина ея во многихъ мѣстахъ на значительномъ протяженіи доходитъ до шести съ половиною саженъ, а наименьшая глубина три сажени, средняя глубина четыре сажени. Хотя въ настоящее время вода на прибыли, но едва ли можно предположить, чтобы она поднялась болѣе полуторы сажени. Вода здѣсь не такъ мутна, какъ въ Сыръ-Дарьѣ. Кажется, это происходитъ оттого, что, выступивъ изъ береговъ, она очищается камешками и снова вливается въ русло. По мѣрѣ приближенія нашего къ Кунграду глубина и ширина рѣки начали уменьшаться. Въ пѣкоторыхъ мѣстахъ ширина была менѣе ста саженъ, а глубина доходила до одной сажени. Берега представляютъ необозримые камышы, залитые въ настоящее время фута на два водою, а мѣстами изъ рѣки вытекаетъ протоками вода, образующая озера.

«Два киргиза, перекочевавши въ прошломъ году въ наши предѣлы, взялись провести наши суда этими озерами въ Аму-Дарью, выше Кунграда. Но такъ какъ рѣка не была достаточно глубока, мы не рѣшились слѣдовать по неизвѣстному намъ пути. Вообще съ того мѣста, гдѣ прекратились кочевья кара-калпаковъ, до самой горы берега не представляютъ никакихъ удобствъ для осѣдлой жизни, но мѣста эти весьма удобны для зимнихъ кочевій. Здѣсь неѣтъ ауловъ, только изрѣдка видныются отдельные глинчатые строеппія съ плоскими крышами, въ настоящее время пустыя. Но при дожмахъ этихъ, обитаемыхъ, вѣроятно, только когда спадетъ вода, есть сады изъ ивъ и тополей.

«Въ девять часовъ утра мы встрѣтили лодку кара-калпаковъ, отъ которыхъ узнали, что хивинскій ханъ расположился съ войскомъ на островѣ, образуемомъ Аму-Дарьей и притокомъ Кульденъ, чрезъ который намъ предстоить путь. Ширина онъ 30—40 сажень. Мы стали на якорь, и тотчасъ же команда была отпущена для ловли рыбы. Въ самое короткое время ею было наловлено множество сазановъ.

«21-го іюня, въ четыре часа утра снялись мы съ якоря. У песчаной горы, въ первый разъ по переходѣ черезъ баръ, мы сѣли на мель, но вскорѣ стащились. Выше горы, съ правой стороны виднѣлось кладбище, памятники на немъ были въ видѣ двухъэтажныхъ домовъ съ глухими окнами, безъ крыши.

«Пройдя еще версты две, мы увидѣли на песчаномъ высокомъ холмѣ небольшую толпу всадниковъ. Приблизясь къ горѣ, одинъ изъ нихъ выѣхалъ къ берегу и сталъ требовать отъ имени хана, чтобы мы не шли дальше. Не отвѣчая ему, мы продолжали нашъ путь и поровнялись съ многочисленными толпами всадниковъ, обступившихъ берегъ съ нашей правой стороны, и съ горы, находящейся верстахъ въ трехъ, неслись къ берегу новыя толпы съ бунчуками. Еще нѣсколько человѣкъ кричали намъ, чтобы мы остановились. Мы не отвѣчали и двигались впередъ. Тогда изъ толпы одинъ человѣкъ слѣзъ съ лошади и, подойдя къ самой водѣ, закричалъ: «Я Мужга-Машутъ, старшина кара-калпаковъ, остановитесь и скажите, кто вы: враги или друзья?»

«Отвѣта не послѣдовало, но въ это же самое время мы сѣли на мель въ виду всего хивинского воинства, доходившаго до шести тысячъ человѣкъ и болѣе. Въ это время я успѣлъ разсмотрѣть составъ этой разнородной толпы. Въ составѣ этого скопища было около 200 человѣкъ пѣхоты, вооруженной ружьями и саблями. Полурегулярная кавалерія въ числѣ около двухъ тысячъ человѣкъ вооружена пиками, шашками и ружьями. Иррегулярная скопища на половину только имѣли ружья съ сошками, остальные вооружены—кто пикой и шашкой, а кто одной пикой.

«Увидѣвъ, что мы остановились, хивинцы начали насыпать валы, чтобы размѣстить свои орудія, которыя прикрывала пѣхота и регулярная конница. Орудій были десять, изъ нихъ, кажется, четыре мортиры. Всѣ они везлись на лошадяхъ, а заряды на парубахъ, запряженныхъ гусемъ.

«Чтобы стянуться съ мели, на которой мы сидѣли, всѣ люди, за исключеніемъ артиллерійской прислуги, были посланы въ воду, гдѣ барки притянулись къ пароходу течениемъ и закрыли другъ друга, такъ что одно время только одно орудіе могло дѣйствовать по хивинцамъ.

«Ханъ съ своими приближенными находился на Кюбе-Тау. Въ это время хивинцы, желая во что бы то ни стало вступить съ нами

въ переговоры, закричали, что изъ Оренбурга есть почта, и въ то же время одинъ человѣкъ, поспѣшило раздѣвшись, бросился плыть къ пароходу, гдѣ султанъ Сейдаминъ узналъ въ немъ посланного отъ султана-правителя и потому онъ былъ намъ принятъ на пароходъ. Киргизъ этотъ объявилъ, что онъ имѣлъ три письма, что его перехватили, отобрали письма, все имущество, лошадь и деньги, что держали его подъ арестомъ безъ пищи и, когда онъ попросилъ напиться, дали ему горьковатую воду, отъ которой у него сдѣлались судороги въ желудкѣ. Когда же онъ сказалъ объ этомъ Азбергеню, то послѣдній далъ ему противоядіе. Докторъ нашъ по освидѣтельствованіи его нашелъ, что онъ былъ отравленъ. Киргизъ этотъ объявилъ намъ, что хивинскій ханъ не рѣшилъ еще, какъ принять насъ, что Азбергенъ находится съ своими приверженцами въ его войскѣ. Капитанъ Бутаковъ отправилъ Утайли на берегъ съ тѣмъ, чтобы ему возвратили письма и его имущество.

«Въ это время мы увидѣли около ста лодокъ различной величины, поспѣшило спускавшихся съ верховой стороны, мимо нашихъ судовъ. Лодки эти совершенно сходны съ описанными уже лодками, но нѣкоторая изъ нихъ были довольно значительныхъ размѣровъ. Самая большая изъ нихъ принадлежала хивинскому хану и могла поднять человѣкъ 50. Она имѣла павбъсъ наподобіе балдахина. На лодкѣ этой, какъ мы узнали послѣ, находился Мехніръ съ ханскою казною. Когда лодки прошли, то вскорѣ орудія, находившіяся за сдѣланнымъ прикрытиемъ, потянулись въ обходъ къ Кюбе-Тау, а вслѣдъ за ними потянулись и толпы всадниковъ. Напослѣдокъ прошла регулярная конница, около тысячи человѣкъ, и пѣхота, одѣтая въ красные кафтаны, прошла лихо по самому берегу, вѣроятно, съ цѣлью показать могущество хана.

«Киргизъ Утайли былъ перевезенъ къ намъ на пароходъ съ пластью, но безъ писемъ, въ лодкѣ двумя хивинцами, которые требовали его возвращенія, что, конечно, не было исполнено и они успокоились. Хивинцы эти также требовали, чтобы мы дали письменный отвѣтъ хану, куда мы идемъ и зачѣмъ.

«Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ имъ на словахъ, что мы идемъ не противъ нихъ, а въ Бухару. Когда хивинцы начали удаляться, то и мы успѣли стащиться съ мели и тронулись далѣе. Пройдя еще пѣсколько верстъ, мы дошли до протока, который страннымъ образомъ раздѣляетъ воды свои на двѣ противоположныя стороны. Одна часть воды поворачиваетъ направо и образуетъ начало Улькунъ-Дарынъ, а другая налево, протокъ Кульденъ. Поднявшись по Кульдену версты три, мы остановились па ночлѣсь за мелководьемъ. Шлюпка, посланная впередъ для промѣровъ, нашла глубину всего въ два съ половиною фута, а пароходъ «Перовскій» сидѣлъ въ водѣ чѣтыре съ четвертью фута.

«Вечеромъ для обезпеченія себя отъ нечаянной тревоги или па-

паденія нужно было выставить два секрета: одинъ со стороны хивинцевъ, а другой со стороны Кунграда. Поставивъ одинъ секретъ и возвращаясь къ пароходу, я пораженъ былъ сильнымъ запахомъ гниющаго тѣла. Предполагая, что этотъ запахъ происходит отъ упавшей скотины, я не обратилъ на это вниманія, но на другой день смѣнившійся съ секрета I. O. доказалъ, что шагахъ въ двадцати отъ берега лежитъ трупъ человѣка. Мы пошли посмотреть и увидѣли обезглавленное тѣло, у котораго отъ локтей и отъ колѣнъ снята была кожа. Это образчикъ мести хивинскаго хана надъ попавшимся въ его руки возмутившимся подданнымъ.

«22-го іюня рало утромъ человѣкъ тридцать туркменовъ подъѣхали къ пароходу и послѣ привѣтствія объявили, что они отправляются въ погоню за хивинцами. Цѣль ихъ была захватить кого-либо отъ отставшихъ и за голову получить вознагражденіе.

«Часовъ въ семь утра пріѣхалъ на пароходъ отъ правителя Кунграда Шахъ-Ніязъ, пріѣзжавшій въ Оренбургъ съ просьбою о помощи.

«Находившаяся впереди мель препятствовала судамъ ити дальше безъ выгрузки. Капитанъ Бутаковъ отправилъ меня, штабсъ-капитана Стаковскаго и подпоручика сultана Сейдамина въ Кунградъ выбрать мѣсто для стоянки и вмѣстѣ поздравить правителя Магометъ-Фаны съ избавлениемъ отъ осады. При этомъ мнѣ поручено было просить о присылкѣ лодокъ для выгрузки тяжестей съ нашихъ судовъ. Мы поѣхали на туркменскихъ лошадяхъ, и я въ первый разъ испыталъ ихъ достоинство. Канавы, черезъ которыхъ перескакивали эти лошади, были такихъ размѣровъ, что черезъ нихъ на нашихъ лошадяхъ самый смѣлый всадникъ не могъ бы рѣшился прыгать. Между тѣмъ туркменская лошадь преодолѣваетъ ихъ необыкновенно плавно, почти безъ напряженія.

«Кунградъ отъ того мѣста, гдѣ остановились наши суда, находится верстахъ въ пяти. Все это пространство изрѣзано по всѣмъ направлениямъ ирригационными каналами, большую частью обсаженными пирамидальными тополями и ивами. Контуры садовъ также обрисованы тополями. Верхушки всѣхъ деревъ были слѣва срублены, и мы не могли догадаться о причинахъ этого, пока не подъѣхали къ высокой пасынѣ, окопаниемъ на самомъ берегу рѣки. Съ пасынѣ этой хивинцы стрѣляли изъ орудій внутрь города, а потому высота ея равнялась высотѣ городской стѣны. Валъ, окружающій пасынъ, служилъ укрѣплѣніемъ для караула. Для этой цѣли хивинцы срубали верхи деревьевъ, пересыпая ихъ землею¹⁾.

«По мѣрѣ приближенія нашего къ берегу Талдыка, на противоположной сторонѣ котораго лежалъ Кунградъ, туркмены встрѣ-

¹⁾ Хивинцы осадили было Кунградъ, откуда были отправлены ходатай просить помощи у русскихъ, что и вызвало экспедицію капитана Бутакова.

чали нась, выражая свою радость стрѣльбой и джигитовкой. У берега мы нашли нѣсколько лодокъ. На лучшую изъ нихъ мы сѣли сами, а на другую поставили лошадей.

«Лодки эти построены по образцу съ кара-калпакскими, описанными выше. Составлены онѣ изъ кусковъ дерева, скрѣпленныхъ желѣзомъ, не законопачены, онѣ пропускаютъ много воды, которую во все время перѣзда приходится вычерпывать. Чтобы не промочить ногъ, на дно лодки набрасываютъ травы или хворосту.

«На противоположномъ берегу, въ который упираются стѣны Кунграда, нась ожидало все населеніе города. Изъ толпы часто въ нашу честь слышались выстрѣлы. Выходя на берегъ, я далъ лодочникамъ по рублю серѣбромъ. Это крайне удивило всѣхъ присутствовавшихъ и возвуждило еще большій восторгъ. Намъ подвели снова лошадей, ихъ подвели подъ уздцы въ знакъ уваженія. Нѣсколько человѣкъ разгоняли народъ, хлопая нагайками куда ни попало, въ надеждѣ обратить наше вниманіе и еще болѣе увеличить торжественность вѣнца. Пройдя нѣсколько шаговъ, мы вѣхали въ ворота Кунграда. Здѣсь я остановлюсь, чтобы сдѣлать описание самаго Кунграда.

«Кунградъ представляетъ большое пространство, огражденное глиненою стѣною съ зубцами, служащими для защиты отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Высота стѣны равняется тремъ саженямъ, толщина ея у основанія двѣ сажени, а вверху одинъ футъ. Съ наружной стороны треугольный ровъ шириной въ двѣ сажени, съ внутренней стороны у самой подошвы стѣны есть также ровъ, образовавшийся при возведеніи стѣны отъ выемки земли. Съ внутренней стороны всходъ на стѣну возможенъ только въ немногихъ мѣстахъ и то крайне затруднителенъ, хотя банкетъ около аршина ширины вездѣ существуетъ. Словомъ, съ внутренней стороны такъ же трудно попасть на стѣну, какъ и съ наружной. Этотъ способъ укрѣпленія указываетъ и на способъ атаки и обороны¹⁾. Воинскія скопища здѣшнихъ народовъ состоять исключительно изъ одной конницы. Хотя у хивинскаго хана наберется до 300—400 человѣкъ пѣхоты (сарбазовъ), но они имѣютъ такой жалкій видъ, что ихъ въ соображеніе и принимать не стоить. Артиллерія въ самомъ жалкомъ состояніи имѣется только у хивинцевъ. Поэтому осаждающей, обложивъ крѣпость, ставить на высотѣ, вѣтъ ружейного выстрѣла свои орудія, или если нѣть такой высоты, то дѣлаетъ искусственную насыпь выше городскихъ стѣнъ и стрѣляетъ внутрь города. Съ своей стороны, осажденный сосредоточиваетъ всѣ средства обороны у воротъ. Въ такомъ положеніи остаются враждующія стороны, пока голодъ или измѣна не отадутъ крѣпости въ руки побѣдителя. Въ

¹⁾ Эти наблюденія падъ способомъ веденія войны азіатцевъ, конечно, впослѣдствіи были прияты Михаиломъ Григорьевичемъ къ свѣдѣнію.

этомъ случаѣ, чтобы умилостивить побѣдителя, ему подносятъ вмѣсто ключей головы главныхъ начальниковъ. Несмотря на это, онъ ознаменовываетъ свое торжество казнями. Часто также случается что осаждающіе, истощивъ всѣ средства продовольствія, расходятся по домамъ. Штурмъ рѣдко предпринимается, обвалы въ стѣнѣ при отчаянномъ состояніи артиллеріи малаго калибра и отсутствіи разрывныхъ снарядовъ сдѣлать почти невозможнно.

«Крѣпости хивинскія не вооружены пушками, за исключеніемъ Бента у выхода изъ Аму-Лаудана, гдѣ имѣются три орудія весьма малаго калибра. Внутренность Кунграда представляеть въ настоящее время самый печальный видъ. Дома представляютъ однѣ голые стѣны безъ крыши. Только домъ бывшаго эсаула-бashi Кутлу-Мурата, занимаемый нынѣ правителемъ Кунграда, уцѣль и еще нѣсколько ближайшихъ къ нему мазанокъ, въ которыхъ помѣщаются пустыя лавки. Остальное пространство занято кибитками, густо поставленными, въ которыхъ помѣщаются жители вмѣстѣ съ пришедшими къ нимъ на помощь туркменами. Вездѣ страшная грязь и нечистота. При вѣзѣ нашемъ въ городъ повторилась сцена, бывшая на берегу. Оборванная толпа провожала насть до самаго дома Магомета-Фаны. У воротъ дома лошадей нашихъ снова взяли подъ уздцы и ввели черезъ дворъ между двумя ширенгами туркменъ и узбековъ, изъ коихъ многие были вооружены двухствольными охотничими ружьями. Воинство это было поставлено съ цѣлью показать могущество избраннаго хана.

«Сойдя съ лошадей, мы вошли чрезъ темный коридоръ подъ павильонъ, гдѣ находился Магометъ-Фанъ съ своими приближенными. Тронный залъ Магометъ-Фаны составляеть небольшой дворикъ, покрытый до половины, другая половина крыши не имѣть для освѣженія воздуха и для того, чтобы по вечерамъ можно было отъ комаровъ раскладывать курево. Направо отъ дверей находились подмостки, весьма грубо сколоченные, аршина въ полтора вышиною, даже не окрашенные, на подмосткахъ разостланъ былъ коверъ. Это возвышеніе составляло тронъ избраннаго кунградцами хана.

«При входѣ нашемъ онъ сидѣлъ на своемъ тронѣ, самые приближенные на коврахъ, разостланныхъ по обѣимъ сторонамъ его, остальные, въ числѣ около пятидесяти человѣкъ, стояли и сидѣли поодаль. Магометъ-Фаны-Софіи—человѣкъ лѣтъ сорока, высокаго роста, атлетическаго сложенія, его густая черная борода отѣняетъ лицо, которое можно бы назвать красивымъ, если бы въ немъ было болѣе выраженія. Вглядываясь въ черты лица, какъ-то не вѣрится, что этотъ человѣкъ безъ всякихъ средствъ успѣхъ сдѣлать переворотъ, объявилъ себѣ независимымъ отъ хивинскаго хана и девять мѣсяцевъ держался на своемъ мѣстѣ. Кажется, онъ былъ только предлогомъ для беспокойныхъ и жадныхъ къ добычи туркменъ, въ рукахъ которыхъ онъ совершилъ парадоксъ. Перевороту этому также

много способствовали несправедливость и жестокость его предшественника.

«На выражение мною привѣтствіе отъ имени начальника экспедиціи капитана Бутакова и на поздравленіе обѣ избавленіи Кунграда отъ осады хивинцами, которые, узнавъ о нашемъ прибытии, поспѣшили удалились, Магометъ-Фаши отвѣчалъ, что онъ давно насъ ждалъ, что мы его избавители и что онъ самъ, весь народъ, все имущество, жены и дочери принадлежать намъ и что въ точности будутъ исполнены всѣ наши требованія. Когда я ему передалъ, что суда наши за мелководьемъ не могутъ прямо прибыть къ Кунграду и что начальникъ экспедиціи просить его содѣйствія для пайма лодокъ для скорѣйшей перегрузки, то онъ отвѣчалъ, что сейчасъ же сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы всѣ лодки прибыли къ памъ бесплатно. Я поблагодарилъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ, что лодочникамъ будетъ заплачено, потому что мы ничего безъ платы братъ не станемъ. Отвѣтъ мой возбудилъ удовольствіе присутствующихъ, привыкшихъ къ пасынкамъ своихъ союзниковъ-туркменъ.

«Насъ пригласили сѣсть и подали намъ чурекъ (лепешки), маленьку голову сахару и корзину абрикосовъ. Мы оставили въ сторонѣ чурекъ и сахаръ и обратили свое вниманіе на абрикосы. Когда мы приступили къ прощанью, одинъ изъ прислужниковъ хана сталъ разносить абрикосы присутствующимъ, въ томъ числѣ поднецъ и казаку, бывшему съ нами. Казакъ спросилъ у меня разрѣшенія взять предлагаемое, что привело въ неописуемое недоумѣніе туземцевъ, не имѣющихъ никакого понятія о дисциплинѣ вообще и нашей въ особенности.

«Я спросилъ хана, много ли вреда нанесли имъ хивинцы во время осады. Онъ отвѣчалъ, что всѣ сады и пашни па противоположномъ берегу уничтожены. Къ этому онъ прибавилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ милосердный Богъ помогъ ему умертвить Кутлу-Мурата¹⁾ со всѣми его приверженцами, прошло уже девять мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ онъ и весь народъ разорились на содержаніе союзниковъ ихъ туркменъ, что у него въ настоящее время, кромѣ сабли, которую онъ поднялъ, ничего не осталось и что онъ возлагаетъ всю свою надежду на насъ.

«Обѣнявшись съ нимъ еще нѣсколькими фразами, я простился и просилъ дать мѣсто провожатыхъ для выбора мѣста для отряда. Онъ тотчасъ же исполнилъ мою просьбу, прибавивъ, что въ нашей волѣ остановиться гдѣ памъ будетъ угодно, въ самой ли крѣпости, въ оной или въ одномъ изъ садовъ его.

«Взобравшись съ трудомъ на городскую стѣну, мы могли обозрѣть весь городъ съ ближайшими окрестностями и выбрали для

¹⁾ Вероятно, предшественникъ Магомета-Фаши.

первоначальной стоянки мѣсто на берегу у юго-восточного угла крѣпости, вг҃бъ оной, чтобы быть вблизи своихъ судовъ. Всльдѣ за тѣмъ уже изъ любопытства мы побѣхали осматривать ханскій садъ. Принацжалъ онъ бывшему правителю Кунграда Кутлу-Мурату, по умерщвлениі которого перешелъ вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ имуществомъ къ Магометъ-Фаны. Садъ этотъ или, лучше сказать, за-городный домъ находится въ двухъ верстахъ отъ городскихъ стѣнъ и въ одной верстѣ отъ берега. Онъ обведенъ глиняною стѣною съ зубцами наподобіе описанной уже нами кунградской стѣны, но въ меньшихъ размѣрахъ.

«Къ одной части стѣны пристроенъ домъ. Внутренность его довольно обширна и состоитъ изъ множества темныхъ коридоровъ и комнатъ. Оконо нигдѣ неѣть, и свѣтъ проходить или въ двери, или чрезъ отверстія въ плоской крыше. Нѣкоторыя комнаты расписаны изразцами. Въ саду растутъ тополи, абрикосовая и грушевая деревья и яблони. Вокругъ стѣнъ расположены гряды съ дынями, арбузами и засѣяны джурукой. Садъ, составляя совершенно отдѣльную крѣпостицу, быль бы очень удобенъ для помѣщенія нашего маленькаго отряда, если бы быль ближе къ берегу. Съ другой стороны, удаленіе отъ города могло уменьшить наше вліяніе на необузданыхъ туркменъ, распоряжавшихся тамъ съ безграничнымъ произволомъ.

«Возвратившись къ берегу, мы сѣли въ лодки и спустились внизъ по Талдыку до притока Кульденъ, а отсюда потянулись бечевою до мѣста стоянки нашихъ судовъ. Все время осмотра нами мѣстности намъ сопутствовали малолѣтній сынъ и племянникъ Магометъ-Фаны. Они очень привязались къ намъ, особенно къ султану Сейдамину.

«По прибытии на пароходъ мы застали тамъ туркменскихъ старшинъ. Они пріѣхали подъ предлогомъ поздравить насъ съ пріѣздомъ, но въ сущности чтобы сосчитать насъ и въ надеждѣ получить подарокъ, о чёмъ и сообщили черезъ своего писаря. На это имъ отвѣтили, что мы пришли по вашей же просьбѣ и для вашего же спасенія, а потому и не видимъ никакой причины одаривать васъ, пока вы не заслужите этого. Старшины просили, чтобы имъ дали одну пушку и десять человѣкъ русскихъ для преслѣдованія хивинцевъ и отбитія всего, что ими забрано, въ особенности же чтобы отнять плѣнныхъ и захваченные лодки. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ, что для преслѣдованія хивинцевъ они не достаточно сильны и что на это онъ не имѣеть разрѣшенія генераль-губернатора. Тогда они просили дать имъ желаемую пушку для того, чтобы прикрывать земледѣльцевъ отъ хивинцевъ во время наступающей уборки хлѣба. Капитанъ Бутаковъ согласился дать имъ пятьдесятъ человѣкъ съ ракетнымъ станкомъ, по сѣ тѣмъ, чтобы туркмены дали подъ пашнихъ солдатъ лопацей и чтобы тѣ, которые къ намъ присоедини-

няться, были въ полномъ повиновеніи у русскаго офицера. Они замолчали. Словомъ, ясно было, что они желали воспользоваться нами для грабежа.

«Во время поѣздки нашей въ Кунградъ туркмены, подѣбѣзжавшіе рано утромъ къ пароходу и отправившіеся на добычу за хивинцами, возвратились, отбивъ восемь человѣкъ своихъ илѣнныхъ и поднесли капитану Бутакову голову, говоря, что Магометъ-Фаны платили имъ за голову двадцать тиллей (40 руб. сер.), а они слышали, что русскіе платятъ вдвое дороже. Голову эти они сняли съ старухи и, чтобы ее сдѣлать похожею на мужскую бритую, повыдергали волосы. Имъ отвѣчали, что русскіе за головы ничего не даютъ. Они съ неудовольствіемъ отправились за платою къ Магометъ-Фаны.

«Посланная для промѣра шлюпка возвратилась вечеромъ съ извѣстіемъ, что въ протокѣ во многихъ мѣстахъ только два фута глубины. Слѣдовательно, пароходъ не могъ ити къ Кунграду, куда могли пройти съ большимъ трудомъ однѣ баржи, сгрузивъ предварительно всю тяжесть на берегъ. Весь день 23-го числа прошелъ въ перегрузкѣ, а къ вечеру мы вышли въ Талдыкъ.

«По желанію начальника экспедиціи въ тотъ же вечеръ правитель Кунграда долженъ былъ собрать своихъ приближенныхъ и принять насъ для выслушанія воли генералъ-губернатора. Съ капитаномъ Бутаковымъ отправились всѣ офицеры, участвовавшіе въ экспедиціи, за исключеніемъ двухъ¹⁾. Сѣли мы въ шлюпки въ 9 часовъ вечера, когда уже совершенцо стемнѣло, высадились па берегъ, сѣли на лошадей и, проѣхавъ около полуторы версты вдоль городской стѣны по тропинкѣ, прерывасмой безпрестанно глубокими канавами, подѣбѣхали къ воротамъ, гдѣ находился небольшой карауль, расположившійся уже спать. Шитые мундиры наши имѣли слой пыли въ налѣцѣ. Жители уже всѣ спали, а потому па улицахъ было пусто, и мы въ этотъ разъ не были обезпокоены толпами народа.

«Подѣбѣхавъ къ воротамъ ханскаго дома, насъ остановили и продержали около пятидцати минутъ. Потомъ мы вѣѣхали во дворъ, сѣѣзли тамъ съ лошадей и вошли уже пѣшкомъ подъ навѣсъ, гдѣ въ первый разъ мы вѣѣхали па лошадяхъ. Мы вошли въ описанную уже нами аудіенцѣ-залу или тронную залу, освѣщенную костромъ и наполненную народомъ. Магометъ-Фаны тамъ не было. Для капитана Бутакова приготовлено было точно такое же возвышеніе, какъ мною описано было выше. Для лицъ, его сопровождавшихъ, были поставлены низенькия табуретки, покрытыя весьма сомнительными коврами. Когда мы усѣлись, намъ принесли црежнее угощеніе.

«Черезъ иѣсколько времени довѣренное лицо хана Шахъ-Нояръ сказалъ капитану Бутакову, что ханъ только что возвратился съ

¹⁾). Офицеры эти были: подц. Черняевъ, штабсъ-капитанъ Стаковичъ, лейтенантъ В. и А., штабсъ-капитанъ Поп. и прап. Певст.

прогулки и просить отложить аудієнцію до утра по случаю поздняго времени. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ, что Магометъ-Фаны согласилися прежде на поздній прїездъ и потому теперь откладывать нельзя. Черезъ четверть часа нового ожиданья явился наконецъ Магометъ-Фаны. Впереди него шли два человѣка, держа сальные ёгарки. Присутствующіе привѣтствовали его селямомъ.

«Когда онъ взлѣтъ на свое мѣсто, мы подошли въ нему, и послѣ пожатія рукъ капитанъ Бутаковъ объяснилъ ему цѣль нашего прибытия и предложеннія генераль-губернаторомъ условія, заключающіяся въ слѣдующемъ:

«1) Примириться съ нашими киргизами; 2) защищать бухарскіе караваны, слѣдующіе въ Россію по правому берегу Аму и не препятствовать хивинскимъ караванамъ привозить въ наши предѣлы свои товары; 3) содѣйствовать заготовленію топлива для нашихъ судовъ и снабженію нашего отряда продовольствіемъ, разумѣется, за плату.

«Имъ объявлено было также, что по ихъ просьбѣ для облегченія торговыхъ сношеній ихъ съ Россіей посыпается команда для осмотра береговъ Каспійскаго моря, и для открытия ярмарки избирается соответствующій пунктъ и что они также должны содѣйствовать всѣмъ требованиямъ начальствующихъ надъ этой командой. Имъ было сказано при этомъ, что отрядъ нашъ, избавивъ ихъ уже отъ осады хивинцевъ, не можетъ оѣтаться на зиму въ Кунградѣ за недостаткомъ помѣщенія и продовольствія.

«При объявлensiіи этихъ условій Магометъ-Фаны и его приближеніе отвѣчали, что защищать бухарскіе караваны они не могутъ, не зная, гдѣ и когда будутъ проходить они, тѣмъ болѣе, что всѣ бухарскіе караваны проходятъ вдали отъ Кунграда. Что же касается пропуска хивинскихъ каравановъ, то видно было, что это требование совершило не согласуется съ ихъ попытками. Они говорили, что хивинцы истребили ихъ пашни, сады, захватили большую часть лодокъ и увезли болѣе сорока человѣкъ въ неволю и что все это требуетъ возмездія, если имъ за эти убытки не заплатятъ.

«Когда капитанъ Бутаковъ сказалъ имъ, что русское правительство настаиваетъ на этомъ потому, что въ этомъ замѣшаны выгоды русскихъ, то отвѣчали: «ну, хорошо, мы будемъ пропускать караваны въ Россію и грабить ихъ, когда они будутъ возвращаться въ Хиву».

«Магометъ-Фаны послѣ этого сталъ просить оставить ему на защиту Кунграда хотя бы двѣстѣ человѣкъ и дать ему вооруженную помощь, чтобы ити противъ хивинцевъ и отобрать у нихъ плѣнниковъ и добычу, захваченную ими въ окрестностяхъ Кунграда. При этомъ онъ повторилъ сказанное миѣ при первомъ свиданіи, что онъ самъ и народъ его въ эти девять мѣсяцевъ совершенно разорились и что у него, кромѣ сабли, ничего не осталось.

«Капитанъ Бутаковъ сказалъ смѣ, что въ этомъ отношеніи гепе-

раль-губернаторъ приказалъ ему помочь по возможности, что же касается вооруженной поддержки противъ хивинцевъ, то это неисполнимо. Тогда онъ сталъ просить помощи для подчиненія своей власти кара-кашаковъ. Но и на это капитанъ Бутаковъ отвѣтилъ ему отрицательно, говоря, что мы присланы защищать ихъ, а не дѣлать для нихъ завоеванія. Въ заключеніе Магометъ-Фаны спросилъ: признаетъ ли его русское правительство ханомъ? Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ на это, что мы присланы къ нему, какъ къ правительству Кунграда.

«По этой аудіенціи можно было вывести слѣдующее заключеніе: Магометъ-Фаны ожидалъ присылки къ нему отряда постоянного и болѣе значительного и также денежнаго пособія. Въ такомъ только случаѣ онъ могъ отдѣлаться отъ своихъ беспокойныхъ союзниковъ туркменъ, въ рукахъ которыхъ онъ всецѣло находился, и содѣйствовать видомъ нашего правительства.

«Съ уходомъ нашей экспедиціи онъ снова былъ предоставленъ въ руки туркменъ и потому весьма понятно, почему ему приходилось подчиняться имъ, а не нашему вліянію¹⁾. Туркмены-ямуды ничѣмъ не обнаружили желанія принять русское подданство. Народъ этотъ привыкъ добывать себѣ хлѣбъ грабежомъ и войною. Болѣе всего онъ дорожитъ необузданной свободой и ни на какія блага ее не промѣняеть, если съ ними связаны порядокъ и благоустройство. Менѣе, чѣмъ кто-либо, они подготовлены къ принятію какого-либо гражданскаго устройства. Безплодныя и безводныя мѣста, занимаемыя ими, мало способствуютъ земледѣлію и скотоводству, а потому они существуютъ почти исключительно грабежомъ и торгомъ невольниками. Смуты, раздирающія Хивинское ханство, доставляютъ имъ возможность заниматься или у хивинскаго хана для усмиренія его подданныхъ, или помогать послѣднимъ въ возмущеніяхъ противу хана, словомъ, это кондотьеры новѣйшихъ временъ. Обѣщаючи и клятвами ихъ нельзя вполнѣ вѣрить. Они до тѣхъ поръ держатъ свое слово, пока это имъ выгодно или надѣя ими стоптъ угроза. Поговорка ихъ: «Туркменъ на лошади не знаетъ ни отца, ни матери», характеризуетъ ихъ вполнѣ. Въ числѣ старшинъ, помогающихъ Магомету-Фаны, есть двое племени ижириле Ауазманбатъ и Салакъ-Клычкара, которые поклялись хивинскому хану доставить ему голову Магомета-Фаны, получили за нее половину условленной платы впередъ, и первый изъ нихъ оставилъ даже заложникомъ сына своего.

¹⁾ Экспедиція эта не только не привлекла къ памъ кунградцевъ, но едва не привела къ истребленію всего отряда. Практичность и здравомысліе побуждали вносить вѣтнѣи Михаила Григорьевича дѣйствовать совершенно иначе, что, несмотря на распоряженія имъ крайне небольшія денежныя и военные силы, привело къ возвеличенію русского имени въ Средней Азії сообразно съ мощью великаго государства нашего.

«Они не признаютъ никакихъ властей, старшины ихъ имѣютъ очень мало вліянія, а ханъ ихъ Атамуратъ еще меньше. Изъ всего этого видно, что депутація, присланная въ прошломъ году къ генералъ-губернатору и повторенная этой зимой, никакъ не можетъ служить выражениемъ общаго желанія племени ямудъ на принятие русскаго подданства. Депутація эта снаряженна была Атамуратомъ и небольшимъ числомъ его приверженцевъ, желавшихъ посредствомъ русскихъ увеличить и упрочить свое вліяніе надъ сосплеменниками.

«Когда капитанъ Бутаковъ сказалъ однажды старшинамъ, что туркмены просили генералъ-губернатора о принятии ихъ въ русское подданство, то они отвѣчали: «да, некоторые хотѣли этого». Самое понятіе ихъ о подданствѣ не сходно съ нашимъ. Подданство они разумѣютъ какъ службу за определенную плату, безъ всякихъ вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла и распри. Эти понятія ясно выразили старшины ихъ во время съѣзда для примиренія съ киргизами.

«Старшины сказали капитану Бутакову: «Когда мы служили хивинскому хану, то получали отъ него поденную плату и, кроме того, Магометъ-Фаны, его противникъ, за каждую подносимую ему голову то же самое давалъ намъ, теперь у него ничего неѣть. Если русское правительство будетъ платить намъ за то, чтобы мы защищали Кунградъ, то мы останемся. Въ противномъ случаѣ мы должны искать себѣ другой службы, потому что туркменъ не сѣеть и не жистъ, чѣмъ же онъ будетъ существовать?»

«Узбеки и кара-калпаки составляютъ главную часть населенія и совсѣмъ не сочувствуютъ Магомету-Фаны. Исключение составляютъ его личные друзья.

«Есть даже поводъ думать, что они втайне желаютъ возвращенія хивинскаго владычества, чтобы избавиться отъ туркменъ, которые безпощадно ихъ грабятъ. Киргизы, кочующіе въ окрестностяхъ, находятся въ открытой враждѣ съ кунградцами и туркменами. При осадѣ Кунграда хивинцами киргизы съ своимъ предводителемъ Азбергенемъ и султаномъ Эстлау находились въ хивинскомъ войскѣ. Еще раньше Атамуратъ-ханъ осаждалъ Азбергена съ восьмьюстами человѣкъ, но не имѣлъ успѣха.

«Изъ этого вышеизложеннаго обзора видно, въ какомъ щаткомъ положеніи находится правитель Кунграда, и ясно, что ему нельзя придавать серьезнаго значенія.

«На другой день, 24-го іюня, мы поднялись на двухъ баржахъ бечевой и остановились у юго-восточного угла кунградской стѣны. Когда мы снимались съ якоря, приѣхалъ Шахъ-Ніязъ съ объявленіемъ, что Магометъ-Фаны прислалъ его, чтобы указать намъ мѣсто, где остановиться и чрезъ какія ворота имѣть сообщеніе съ городомъ. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ ему, что онъ крайне удивленъ этимъ, тѣмъ болѣе, что Магометъ-Фаны не далъ, какъ вчера еще, сказанъ,

что въ нашей волѣ остановиться гдѣ угодно, и потому мы избрали себѣ мѣсто тамъ, гдѣ для пась это удобнѣе. Такъ какъ намъ не было известно, долго ли мы здѣсь пробудемъ, то выбранное нами мѣсто представляло наиболѣе выгодъ потому, что часть старой городской стѣны составляла для насъ нѣкоторую защиту, а возвышеніе у самаго берега представляло весьма удобное помѣщеніе для орудій, которыя въ случаѣ нужды могли дѣйствовать по городу.

«Мы стали на якорь въ восемь часовъ утра. Отрядъ былъ высаженъ на берегъ, гдѣ устроилъ себѣ навѣсъ отъ палящихъ лучей солнца изъ парусовъ. Для офицеровъ разбита была кибитка. На возвышеніи былъ водруженъ флагъ и поставлены два гориця орудія жерлами въ сторону Хивы. Подлѣ флага стояла дежурная часть. Едва успѣли мы высадиться на берегъ, какъ толпы эѣвакъ окружили наши суда и отрядъ, такъ что мы вынуждены были разогнать любопытныхъ посѣтителей и поставить цѣпь около лагеря, предоставивъ имъ право любоваться нами издали.

«Съ приходомъ нашимъ къ Кунграду многіе изъ туркменъ начали удаляться въ свои кочевья, опасаясь, чтобы кунградцы черезъ настъ не отобрали у нихъ награбленного имущества, своихъ женъ и дочерей. Нѣсколько старшинъ прѣѣзжали къ капитану Бутакову. Онъ угощалъ ихъ чаемъ, который они пьютъ не особенно охотно, но зато съ большимъ наслажденіемъ грызутъ сахаръ. Странно было смотрѣть на этихъ людей, вооруженныхъ съ головы до ногъ, съ звѣрскими лицами, грызущихъ сахаръ съ жадностью ребенка.

«На вопросъ обѣ Атамуратъ-ханѣ, присылавшемъ два раза депутатовъ къ генераль-губернатору съ изъявленіемъ желанія принять русское подданство, они отвѣчали уклончиво, что онъ находится въ двухъ дниахъ пути отъ Кунграда и, вѣроятно, прѣѣдетъ повидаться съ нами.

«На другой день нѣсколько кара-калпаковъ приходили просить нашей защиты противъ своеволія туркменъ, которые отобрали у нихъ женъ и дочерей и увозятъ ихъ въ Туркменію. Капитанъ Бутаковъ отвѣчалъ имъ, что онъ во внутреннія дѣла ихъ не вмѣшивается и чтобы они обращались съ жалобами къ Магомету-Фаны. Для осмотра и съемки окрестностей Кунграда намъ необходимо было достать лошадей. Сначала мы обратились къ Магомету-Фаны, прося его содѣйствія въ наймѣ тридцати лошадей. Онъ отказалъ. Тогда капитанъ Бутаковъ отправилъ къ нему подпоручика сultана Сейдамина спросить, считаетъ ли онъ насъ своими врагами или друзьями. Магометъ-Фаны отвѣчалъ, что онъ потому запретилъ дать намъ лошадей, что не надѣется на туркменъ, которые могутъ предпринять что-либо враждебное противъ нашей съемочной партии, а ответственность будетъ лежать па немъ. Когда же Сейдаминъ сказалъ ему, что туркмены будутъ отвѣчать сами за себя, Магометъ-Фаны приказалъ объявить па базарѣ, что всякий, кто желастъ, можетъ отдавать

памъ внаймы лошадей своихъ. Туркменскій старшина Клычкара, еще до разрѣшенія хана пріѣзжавшій къ намъ въ лагерь, спрашивалъ султана Сейдамина, чѣмъ онъ можетъ усугубить русскимъ. На это Сейдаминъ посовѣтовалъ ему на первый разъ достать намъ лошадей. Плата была объявлена въ рубль серебромъ за лошадь въ день, а потому туркмены наперерывъ предлагали намъ свои услуги. Цѣна эта назначена была капитаномъ Бутаковымъ съ цѣлью привлечь туркменъ къ исполненію нашихъ требованій. Такъ какъ охотниковъ нашлось слишкомъ много, то старшинамъ сказано было соблюдать очередь. Вмѣстѣ съ тѣмъ для отвлеченія туркменъ отъ какихъ-либо попытокъ противу нашей съемочной партіи старшины обязались сопровождать съемку. На другой день съ разсвѣтомъ приказано было привести тридцать лошадей.

«Вечеромъ того же дня мы узнали отъ киргизъ, взятыхъ нами съ собою изъ Перовска, что у Магомета-Фаны было совѣщеніе съ туркменами, которые предлагали напасть на нась съ тѣмъ, чтобы завладѣть нашими орудіями. Они говорили, что русскихъ всего двѣсти человѣкъ и что мы очень довѣрчивы, и что на насъ можно было напасть врасплохъ и всѣхъ перерѣзать.

«Магометъ-Фаны возражалъ имъ, говоря, что онъ обязанъ намъ своимъ спасеніемъ отъ хивинцевъ и что если бы нападеніе и удалось, то внослѣдствіи они за это дорого поплатятся. Слухи эти подтвердились выкупившійся персидскій невольникъ, просившій, чтобы мы взяли его съ собою въ Оренбургъ, откуда онъ надѣлся пробраться на родину. Онъ схваченъ былъ туркменами, проданъ сначала въ Бухару, откуда їздилъ съ своимъ хозяиномъ въ Оренбургъ, Казань и Москву. Потомъ перепроданъ былъ въ Хиву и изъ Хивы попалъ въ Кунградъ. Слухи эти могутъ показаться неправдоподобными для человѣка незнакомаго съ характеромъ азіатца вообще и съ туркменами въ особенности. Какъ тѣ, такъ и другіе дѣйствуютъ по первому впечатлѣнію, писколько не заботясь о послѣдствіяхъ.

«Слухи эти заставили настъ усиливть на ночь караулъ и обрѣть возвышеніе, на которомъ стояли орудія, чтобы къ нимъ нельзя было вскочить на лошади, и вырыть небольшую траншею для стрѣлковъ. Наше положеніе было тѣмъ затруднительно, что толпы вооруженныхъ туркменъ ежедневно пріѣзжали къ нашимъ баржамъ и мы не могли знать, когда они рѣшились привести свое памѣреніе въ исполненіе. Запретить же имъ пріѣзжать къ намъ въ лагерь тоже было несудобно, чтобы не выказать имъ недовѣрія.

«Въ восемь часовъ утра прaporщикъ N и топографъ Журавлевъ, отправились на съемку подъ прикрытиемъ двадцати пяти штурмовыхъ, вооруженныхъ и револьверами. Со съемкой отправился также старшина одного изъ родовъ туркменъ Салакъ-Клычкара, названный Клычогру, т. е. воровская сабля. Онъ пріобрѣлъ вліяніе на современниковъ удальствомъ въ набѣгахъ. Ему лѣтъ подъ

пятьдесят, росту высокаго, большая борода съ простыдью оттѣняетъ лицо его, выражающее умъ и коварство. Нанившись у Магомета-Фаны защищать Кунградъ, онъ прежде далъ клятву хивинскому хану доставить ему голову перваго и взялъ даже въ задатокъ половину условленной платы и оставилъ заложникомъ своего сына. Вотъ образчикъ характера туркменъ.

«Часъ спустя я отправился за съемочнымъ отрядомъ и нагналъ его версты за двѣ до нашего лагеря. За этотъ разъ была инструментально снята полоса на лѣвомъ берегу рѣки вокругъ Кунграда шириной въ три версты. Все пространство это обработано и изрыто по всѣмъ направлениямъ ирригационными канавами. Двѣ изъ нихъ, подъ названіемъ хапскихъ, похожи на небольшія рѣки. Смотря на эти канавы, нельзя не удивляться трудолюбию жителей. Между полями разсѣяны фруктовые сады, контуры которыхъ ясно обозначаются пирамидальными тополями. Старшина Клычкара, сопровождавшій съемку съ двумя своими товарищами, держалъ себя поодаль. Когда мы принялись завтракать, то онъ подошелъ къ намъ. Я пригласилъ его подсѣсть. Онъ отказался отъ сардинъ и ростбифа и принялъся за баранину и сахаръ.

«Чтобы закончить съемку этого дня, намъ нужно было дойти до батареи, построенной хивинцами на самомъ берегу рѣки, противъ протока Кульденъ. Такъ какъ вся мѣстность была изрыта канавами, то я приказалъ казаку-переводчику разспросить у работавшихъ невдалекѣ кара-калпаковъ, какъ лучше проѣхать. Клычкара, узпавъ отъ переводчика, въ чемъ дѣло, самъ побѣжалъ къ кара-калпакамъ и требовалъ, чтобы одинъ изъ нихъ провелъ насъ. Но кара-калпакъ не захотѣлъ исполнить его требованія. Тогда онъ выхватилъ шашку и бросился на несчастнаго. Я закричалъ на него, тогда онъ вложилъ шашку въ ножны и взялъ пагайку, но кара-калпакъ въ это время успѣлъ отбѣжать довольно далеко. Въ безсильной злобѣ Клычкара уѣхалъ впередъ и долго ворчалъ про себя. Часу въ седьмомъ вечера мы возвратились въ лагерь. На другой день снята была такой же шириной полоса на лѣвомъ берегу, а на третій день перешли мы на правую сторону рѣки и сняли всю обработанную полосу по этой сторонѣ рѣки.

«Возвращаясь въ лагерь, я увидѣлъ невдалекѣ отъ мѣста расположенія хивинцевъ человѣческій скелетъ, съ котораго хищныя птицы не успѣли снять все мясо. Голова валялась въ сторонѣ отъ туловища.

«По возвращеніи въ лагерь я узналъ, что отъ киргизского батыря Азбергена прибылъ посланный съувѣдомленіемъ, что онъ самъ прибудетъ вечеромъ съ сорока человѣками своихъ приверженцевъ. Для помѣщенія Азбергена Магометъ-Фаны назначилъ нѣсколько кибитокъ. Едва успѣли разбить эти кибитки вблизи нашего лагеря, какъ явился отъ Магометъ-Фаны посланный съ требованіемъ

снять ихъ и разбить у воротъ крѣпости отдельно отъ нась. Капитанъ Бутаковъ приказалъ посланному сказать, что Магометь-Фаны можетъ взять паздъ свои кибитки, по что Азбергенъ пріѣхалъ къ русскимъ съ новиной за сдѣланнымъ имъ преступленіемъ, а не къ нему, а потому онъ долженъ остановиться между нами. Посланный болѣе не возвращался. Часевъ въ десять вечера къ противоположному берегу подѣхало человѣкъ сорокъ всадниковъ. Къ нимъ были высланы наши шлюпки, куда они сѣли сами, а лопадей переправили вплавь.

«На другой день утромъ начальникъ экспедиціи потребовалъ Азбергена и объявилъ ему прощеніе и позволеніе возвратиться въ русскіе предѣлы. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему объявлено было, что онъ долженъ примириться съ туркменами и кунградцами. Вмѣстѣ съ Азбергенемъ прибыль также и султанъ Эстлау ¹⁾, принадлежащей къ бѣлой кости. Азбергенъ изъявилъ желаніе возвратиться на прежнія кочевья и просилъ начальника экспедиціи прикрыть его перекочеваніе отъ туркменъ, на искренность которыхъ онъ не полагался. На другой день съемочный отрядъ отправился было на работу, но вслѣдствіе слуховъ о замыслахъ туркменъ противу Азбергена былъ возвращенъ.

«Слухи эти были весьма правдоподобны. Азбергенъ былъ въ союзѣ съ кунградцами и туркменами, но грабежи и насилия послѣднихъ надъ киргизами заставили его удалиться въ крѣпостцу въ двадцати пяти верстахъ отъ Кунграда. Атамуратъ-ханъ съ восьмьюстами всадниками обложилъ его, но не имѣлъ успѣха и удалился въ свои кочевья. Азбергенъ, не будучи въ силахъ долго бороться съ кунградцами и туркменами, помирился съ хивинскимъ ханомъ и во время осады Кунграда послѣднимъ находился съ своими приверженцами въ числѣ его войска. Туркмены были озлоблены на Азбергена за понесенную ими неудачу и опасались, чтобы онъ [посредствомъ] нась не вытребовалъ захваченныхъ ими киргизъ. Поэтому Азбергенъ объявилъ капитану Бутакову, что онъ готовъ примириться съ туркменами, но что на искренность этого примиренія онъ не полагается.

Съ прибытіемъ Азбергена туркмены были постоянно въ сборѣ, выжидая случая схватить Азбергена съ его приверженцами. Въ шесть часовъ вечера начальникъ экспедиціи приказалъ собраться старшинамъ туркменамъ, узбекамъ и кара-калпакамъ для примиренія съ киргизами. Къ назначенному времени прибыли всѣ, за исключениемъ Атамурата и брата его Андали-хана, сказавшихся больными. Старшинамъ приказано было, оставивъ лошадей своихъ, прійти въ лагерь пѣшкомъ. Не явившимся старшинамъ послано

¹⁾ Цвѣть киргизской аристократіи причисляетъ себя къ бѣлой кости, остальные принадлежатъ къ черной. Султана Эстлау прозвали у нась слоновой костью.

было сказать, что ихъ отсутствіе будетъ принято за недоброжелательство къ русскимъ.

«Прибывшіе старшины обидѣлись, что ихъ заставляютъ ожидать Андали-хана, говоря, что и безъ него обойтись можно, что они всѣ равны между собою и что если семь старшинъ согласны, то одного нечего и спрашивать.

«Шалашъ изъ парусовъ, въ которомъ помышдался десантъ, былъ устланъ коврами, у входа въ него былъ поставленъ карауль. Въ семь часовъ сошли старшины съ киргизами и обнялись въ знакъ искренности примиренія. Съ прибытіемъ капитана Бутакова всѣ усѣлись и начали разсуждать объ устраниеніи поводовъ къ пеудовольствію. Со стороны туркменъ говорилъ за всѣхъ знакомецъ нашъ Клычкара и сѣдой старшина Ауазманбатъ, со стороны киргизъ—Абергены».

На этомъ обрывается дневникъ Михаила Григорьевича.

Избѣжалъ, къ счастью, злодѣйскихъ и коварныхъ замысловъ, вызванныхъ противорѣчивыми интересами кунградцевъ и сосѣднихъ съ ними племенъ, экспедиція благополучно вернулась въ Перовскъ.

Путешествіе это было крайне полезно въ интересахъ будущихъ подвиговъ покорителя Туркестана. Передъ нимъ широко развернулась та своеобразная картина, на фонѣ которой ему предстояло дѣйствовать. Его наблюдательность охватила не только вопросы чисто военной техники, присущей его специальности, но и всѣ условия мѣстной природы и туземнаго быта. Но этомъ не ограничились его изученіе необъятныхъ дебрей Средней Азіи.

Едва успѣль капитанъ Бутаковъ со своимъ отрядомъ возвратиться въ фортъ Перовскій въ первыхъ числахъ іюля, какъ въ половинѣ того же мѣсяца на Сырь-Дарьинскую линію долженъ быть прибыть оренбургскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Катенинъ. Въ виду этого событія Михаилу Григорьевичу было поручено наблюдать и ускорить инженерные, земляные и строительныя фортовыя работы и позаботиться о заготовкѣ для войскъ и казачьяго резерва сѣна. Онъ же распоряжался расчисткой Мамасалтскаго ¹⁾, укрѣпленія и устройствомъ тамъ всего необходимаго для расположенія гарнизона.

Сохранность одиноко выдвинутой по направлению къ Джулеску крѣпостцы требовала бдительнаго вниманія, а потому Михаиломъ Григорьевичемъ дано было приказаніе подчиненному ему подпоручику Бабанцову посыпать ежедневно казачьи разѣзды по всѣмъ направлениямъ, чтобы знать, неѣть ли по близости какихъ-либо подозрительныхъ передвиженій или скопищъ туземцевъ.

¹⁾ Находившагося между Перовскомъ и уроцищемъ Сары-Чаганакъ пъ 28 верстахъ отъ первого.

Въ то время, какъ па Сырь-Дарынскай линіи все готовилось къ приѣзу корпуснаго командира, въ приоканскихъ владѣніяхъ назрѣвали события значительной важности. Внушительная часть киргизовъ-кочевниковъ выразила желаніе принять русское подданство. Слѣдовало этимъ благопріятнымъ случаемъ для безкровнаго округленія нашихъ владѣній воспользоваться немедленно, оказавъ имъ покровительство и защиту отъ нападенія кокайцевъ. Для этихъ послѣднихъ перекочеваніе киргизъ въ наши предѣлы составляло вопросъ жизни, потому что гарнизонъ города Туркестана, существуя исключительно поборами съ окрестныхъ кочевниковъ, уходомъ ихъ бытъ бы поставленъ въ безвыходное положеніе.

Дабы удержать киргизъ отъ переселенія, ташкентцы отправили гонцовъ къ куку и конрадцамъ¹⁾, обѣщаю имъ полное прощеніе и даже казнь ихъ притѣснителя Мирзы-Ахмета, бывшаго правителя Ташкента, въ случаѣ же неповиновенія угрожая полнымъ разграбленіемъ. Вслѣдствіе этого болѣе тысячи кибитокъ, кочевавшихъ между Яны-Кургацомъ и Джулекомъ, возвратились къ Туркестану и Ташкенту. Оставшіе же въ нашихъ владѣніяхъ киргизы, опасаясь нападенія, ежедневно присылали къ намъ посланцевъ, убѣдительно прося выслать отрядъ для занятія принадлежащей кокайцамъ крѣпостцы Джулека.

Чтобы пѣсколько успокоить несчастныхъ кочевниковъ и выиграть время до прибытія генералъ-адъютанта Катенина, Михаилъ Григорьевичъ выслалъ семидесять пять стрѣлковъ и двадцать пять казаковъ къ урочищу Берь-Казанъ для исправленія тамъ переправы черезъ протокъ изъ Сырь-Дары въ озеро Берь-Казанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распустилъ слухъ о движеніи значительного отряда. Кромѣ того, онъ собирался, взять съ собою всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи небольшія силы, двинуться на югъ кокайцамъ, если бы они напали на киргизъ и дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ и численности враговъ.

О необходимости скорѣйшаго прибытія корпуснаго командира, обо всѣхъ своихъ распоряженіяхъ и намѣреніяхъ, а также о ходѣ порученныхъ его наблюденію фортовыхъ работъ Михаилъ Григорьевичъ донесъ въ подробномъ рапортѣ командующему Сырь-Дарынскай линіей и одновременно послалъ сообщеніе того же приблизительного содержанія о киргизскихъ волненіяхъ начальнику Улутауской станицы, вѣдущія сибирскаго генералъ-губернаторства²⁾.

Постоянная возможность набѣговъ дикихъ ордъ, подчиненныхъ среднес-азіатскимъ деснотамъ, въ наши предѣлы выдвигала необхо-

¹⁾ Киргизскія племена.

²⁾ Для возможнаго единства дѣйствій Сырь-Дарынскай линія оренбургскаго генералъ-губернаторства и Сибирская линія сибирскаго генералъ-губернаторства постоянно сообщались съ собою.

димость обуздатъ ихъ, а это послѣднее усиліе, въ свою очередь, требовало дальнѣйшаго съ нашей стороны наступательнаго движенія.

Поэтому начальникъ Сыръ-Дарьинской линіи поручилъ подполковнику Черняеву подробнѣ изслѣдоватъ вопросъ о занятіи нами къ югу верстъ на сто отъ Перовска покинутой коканцами крѣпости Джулека, въ пятидесяти верстахъ отъ коего подымалась вспышительные отроги Кара-Таускаго хребта.

Во главѣ небольшаго отряда, въ сопровожденіи и сотрудникчествѣ извѣстнаго въ ученомъ мірѣ магистра Сѣверцова, онъ извѣдилъ мѣстность по всѣмъ направленіямъ и представилъ подробныя съемки съ окрестностей, карту путей сообщенія, ведущихъ отъ Перовска къ Джулеку, и даже, по разсказамъ киргизъ, карту мѣстности до города Туркестана.

Въ своей обстоятельной докладной запискѣ онъ указывалъ на необходиность выслать одновременно разведочныя отряды изъ крайняго пункта сибирской стели и форта Перовскаго навстрѣчу другъ другу, примѣрно въ окрестностяхъ Сузака для изслѣдованія этой мѣстности, представлявшейся для насъ совершенную *terra incognita*. Въ предвидѣніи нашего неизбѣжнаго движенія впередъ и предстоящаго со временемъ присоединенія города Туркестана, конечно, было необходимо ознакомиться съ мѣстностью нашихъ будущихъ военныхъ дѣйствій¹⁾.

Во время этой командировки Михаилъ Григорьевичъ были подробнѣ занесены на карту всѣ три пути, ведшия къ Джулеку, пѣтъ которыхъ одинъ назывался разбойнической дорогой вслѣдствіе постояннаго нападенія хищныхъ азіатовъ на караваны, а два другие пути представляли всего на всѣго узкія верблюжки тропы для телѣгъ, почти непрѣзжія, часто пересѣченныя долговременными и обширными разливами Сыръ-Дары.

Относительно дальнѣйшаго распространенія линіи на соединеніе съ сибирской границей Михаилъ Григорьевичъ считалъ положеніе Джулека между фортомъ Перовскимъ и Туркестаномъ чевыгоднымъ. Имъ указывался ближайшій сравнительно пунктъ къ Туркестану около Джаны-Кургана, занятіемъ котораго устраивалась возможность укрѣпленія въ названной мѣстности кокашевъ и этимъ упразднялась необходимость брать два защищенныхъ пункта вмѣсто одного, Туркестана. Здѣсь, какъ и вездѣ, Михаилъ Григорьевичъ былъ вѣренъ своему правилу щадить, гдѣ того не требовали обстоятельства, жизнь и труды солдата.

¹⁾ Если бы всѣ наши военачальники дѣйствовали сообразно съ требованіями здравомыслія, со знаніемъ мѣстности или съ употребленіемъ опытныхъ проводниковъ, то исторія завоеванія Туркестана не обогатилась бы печальнымиъ эпизодомъ невыразимыхъ страданій русскаго отряда, заведеннаго въ безводные пески одинимъ горе-полководцемъ.

Предстоящее наступательное движение выдвинуло вопросъ, какъ нужно именно укрѣпляться, углубляясь въ азиатскія дебри.

Во время осады Севастополя и послѣ нея весьма распространенную известность получили земляные укрѣпленія, почему ближайшее къ тому времени, въ 1859 году, когда сочувственное одобрение ихъ сохранилось во всей силѣ, разработка вопроса о цѣлесообразности примѣненія ихъ противъ азиатцевъ была поручена опять-таки Михаилу Григорьевичу, который счѣлъ ихъ въ данномъ случаѣ весьма непрактичными.

«Сыръ-Дарынская линія,—писалъ онъ въ своемъ рапорѣ,—можетъ имѣть столкновенія съ четырьмя противниками: киргизами, хивинцами, бухарцами и коканцами. Киргизы могутъ имѣть значеніе, какъ противники наши только по своей многочисленности и отдаленности Сыръ-Дарынской линіи отъ Оренбурга, откуда здѣшнія войска получаютъ все до послѣдней мелочи. Огнестрѣльное оружіе ихъ состоитъ изъ длиннаго ружья съ прикладными къ нему сошками. Огонь сообщается разряду посредствомъ фитиля. Хотя киргизы дѣйствуютъ изъ мушкетовъ своихъ на значительное разстояніе и довольно мѣтко, но они такъ мало распространены между шими, что существеннаго вреда огнестрѣльнымъ дѣйствиемъ они нанести намъ не могутъ. Холодное оружіе наиболѣе распространено между киргизами. Оно состоитъ изъ длинной пики или шашки и могло бы быть для насъ болѣе страшно, если бы скопища эти обладали моральными силами, столь необходимыми для рукопашного боя. Собравшись въ значительныя скопища, они могутъ дѣйствовать только непродолжительное время. За неимѣніемъ съ собою запасовъ продовольствія они такъ же скоро расходятся, какъ собираются. Поэтому многочисленныя толпы ихъ могутъ дѣйствовать только налетомъ, а затѣмъ дѣйствія ихъ будутъ ограничиваться перерывомъ сообщенія между фортами и съ Оренбургомъ, поджогами сѣна, составляющаго жизненный вопросъ для нашихъ казаковъ»¹⁾.

Кромѣ обсужденія вопросовъ часто военныхъ, начальство прибѣгало къ Михаилу Григорьевичу за разработкой вопросовъ административныхъ, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли заботы о водвореніи спокойствія въ области нашихъ владѣній и о колонизации Сыръ-Дарынской линіи.

Успѣхъ же этого послѣдняго предпріятія, по мнѣнію Михаила Григорьевича, обусловливався двумя основными положеніями: безопасностью и систематическимъ орошеніемъ почвы²⁾. Для бе-

¹⁾ Къ сожалѣнію, здѣсь черновикъ рапорта обрывается, обрисовавъ только одинъ киргизовъ изъ числа нашихъ тогдашнихъ средне-азиатскихъ противниковъ.

²⁾ За нѣсколько лѣтъ до завоеванія Туркестанскаго края этотъ вопросъ первостепенной важности для богатѣйшихъ и необъятныхъ пространствъ его былъ поднятъ М. Г., тогда какъ послѣ него онъ сталъ вламывать якіе-то существованіе, иока, паконецъ, въ памяти днѣгъ не былъ ярко освѣщенъ министерствомъ землемѣрія.

зонастности Акъ-Мечетского острова¹⁾, способного къ обработкѣ, необходимо имѣть укрѣпленіе близъ Джулека, а для устройства систематического орошенія нужно сдѣлать предварительно нивелировку бассейна Сыра.

«За отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ трудно опредѣлить, въ какихъ размѣрахъ здѣсь можетъ развиться хлѣбопашество,—пишаль онъ:—а потому посѣлецевъ надо водворять постепенно, въ небольшомъ числѣ, дабы они не легли на руки правительства.

«При поверхностномъ обозрѣніи средствъ края можно приблизительно заключить, что занятое нами пространство на Сырѣ можетъ прокормить рѣдкое населеніе и обеспечить малочисленный отрядъ.

«Заселеніе Сырь-Дарьинскаго края можетъ принести большую пользу только въ случаѣ занятія страны до Ала-Тау для соединенія сибирской и оренбургской границы. Въ противномъ случаѣ Сырь-Дарьинская линія ничего, кроме убытковъ, не обѣщаетъ. Съ устройствомъ пикетной дороги, которая будетъ связью между фортами и защитою переселенцамъ, можно постепенно приступить къ заселенію всей Сырь-Дарьинской линіи; употребляя женатыхъ солдатъ, преимущественно изъ желающихъ, обязанныхъ мѣстною срочною службою».

Для устройства, привлеченія и укрѣпленія небольшихъ поселковъ въ 10—15 семей близъ фортовъ и пикетовъ Михаилъ Григорьевичъ предлагалъ цѣлый рядъ практическихъ мѣропріятій, освободивъ солдатъ отъ всякихъ служебныхъ обязанностей, но обязавъ ихъ обрабатывать извѣстный участокъ земли и огорода. Предоставить поселеніямъ солдатамъ пользоваться всѣми правами на отставку, безсрочный отпускъ и по желанію на возвращеніе къ Оренбургу. Дать имъ право пользоваться полнымъ содержаніемъ и обмундированиемъ. Произведенія земли и огорода предоставить въ ихъ полную собственность.

По выслугѣ срока службы по желанію оставлять на мѣстѣ, записавъ въ сырь-дарынское казачье сословіе.

«Если заселеніе пойдетъ удачно, дозволить переселеніе изъ Россіи, а по мѣрѣ увеличенія его прекратить заселеніе служащими солдатами, сохранивъ это право за выслужившими сроки. Охрану же этого будущаго поселенія со временемъ возложить на мѣстныхъ казаковъ, сообразуясь съ числомъ станичнаго населенія. Возложить на нихъ обязанности занятія нарауловъ на ближайшихъ пикетахъ, содержанія почтовой гоньбы, постепенно по мѣрѣ возможности освобождая уральскихъ казаковъ отъ кордонной службы».

«Съ устройствомъ оренбургскаго и уральскаго укрѣпленій,—пишетъ онъ,—спокойствіе совершило водворилось въ восточной

¹⁾ Пространство вокругъ Акъ-Мечети или ф. Перовска, ограниченное песками и хребтомъ Кара-Тау.

и средней части орды и всѣ правительственные распоряженія приводятся тамъ безпрепятственно въ исполненіе. Въ западной же части образовываются мятежные шайки, возбуждающія киргизъ къ неповиновенію и на грабежъ тѣхъ, которые остались намъ покорны. Кромѣ того, киргизы, кочующіе между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, много терпятъ отъ набѣговъ туркменъ и хивинцевъ, испѣдко собирающихъ съ нихъ зякетъ, грозя въ случаѣ неповиновенія разграбленіемъ. Не имѣя позади себя никакой защиты, за которую они могли бы укрыться, киргизы принуждены удовлетворять на-сильственнымъ требованіямъ и оказывать невольно неповиновеніе.

«Для отвращенія по возможности этихъ беспорядковъ необходимо устроить въ центрѣ западной части орды у южныхъ скатовъ Мугоджарскихъ горъ, при уроцішѣ Тасъ-Булакъ третью укрѣпленіе, снабдивъ его гарнизономъ по примѣру оренбургскаго и аральскаго. Султана, правителя западной части орды, слѣдуетъ перемѣстить изъ окрестностей станицы Затонной къ устью Эмбы для надзора за подвластными ему киргизами. Мѣсто это удобно для хлѣбопашства и можетъ служить для поселеній. Надѣ киргизами, кочующими между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, надо поставить султана-правителя, присвоивъ ему название султана-правителя четвертой части орды и назначить ему пребываніе въ Новопетровскомъ укрѣплѣніи¹⁾.

«Съ устройствомъ рыбного промысла на Красноводскомъ заливѣ необходимо имѣть тамъ укрѣпленіе, которое послужитъ защитою промышленникамъ, предохранитъ киргизъ отъ набѣговъ туркменъ и станетъ нашимъ передовымъ наблюдательнымъ пунктомъ надѣ Хивою, находясь отъ нея па одиннадцатидневномъ караванномъ пути. Для огражденія же границъ нашихъ на лѣвомъ флангѣ отъ Кокана необходимо придать болѣе самостоятельности Сырь-Дарьинской линіи, чего можно достигнуть занятіемъ гор. Туркестана, продолженіемъ линіи до Алла-Таускихъ горъ па соединеніе съ Сибирской линіей укрѣпленій и водвореніемъ по Сыру военныхъ поселеній».

За цѣлую восемь лѣтъ до соединенія Сырь-Дарьинской линіи съ Сибирской (записка писалась имъ въ 1858 г.) Михаиломъ Григорьевичемъ была сознана необходимость этого мѣропріятія, составлявшая конечный припѣтъ всѣхъ его докладовъ.

Плачевное состояніе тогдашней Сырь-Дарьинской линіи выдвигало вопросъ о значеніи и занятіи устьевъ Аму-Дары, отданный начальствомъ сперва на обсужденіе Михаила Григорьевича. «Едва кончилась кровопролитная Крымская война,—пишетъ онъ

¹⁾ Управление киргизами Михаиломъ Григорьевичемъ предполагалось въ высшей степени практично, дешево и популярно, поставить надѣ ими власть изъ ихъ же среды.

А в т.

въ своемъ рапортѣ корпусному командиру по этому дѣлу:—какъ снаряжена была миссія въ Хиву и Бухару, имѣвшая главною цѣлью заключеніе трактатовъ о свободномъ плаваніи судовъ нашихъ по Аму. Важность этой рѣки для спошнѣй нашихъ съ Средней Азіей издавна обратила вниманіе правительства, а эти вѣковыя стремленія ясно доказываютъ ея значеніе, а сравненіе низовьевъ обѣихъ рѣкъ (лично изслѣдованныхъ Михаиломъ Григорьевичемъ) заставляетъ отдать преимущество Аму-Дарьѣ, описание же путешественниковъ¹⁾, которыми мы не имѣемъ права не вѣрить, убѣждаетъ насъ, что въ верхней и средней части своей рѣка эта представляеть еще болѣе выгодъ, чѣмъ низовья въ отношеніи судоходства и производительности прилегающихъ къ ней странъ.

«О Сырь-Дарьѣ къ югу отъ Шеровска и о Коканскомъ ханствѣ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній²⁾. Всѣ они ограничиваются краткими замѣтками нашихъ путешественниковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій и показаніями купеческихъ приказчиковъ и караванъ-башей. Поэтому всѣ выгоды значенія Сырь-Дары основаны на однихъ умозрѣніяхъ, которыхъ со временемъ могутъ не только не оправдаться, но ввести насъ въ ошибки.

«Допуская, что обѣ рѣки въ верхней и средней части представляютъ одинаковыя выгоды въ отношеніи судоходства и производительности, достаточно взглянуть на карту, куда открываетъ намъ путь Сырь и куда Аму. Необходимость доставлять средства существованія низовьямъ Сыра независимо отъ Оренбургской линіи приводить къ вопросу, не выгоднѣе ли намъ, занять низовья Аму, изыскать средства къ доставкѣ оттуда для фортовъ, стоящихъ на Сырѣ, или подняться по немъ до болѣе плодородныхъ мѣстъ».

Рѣшеніе этого важнаго мѣстнаго вопроса требовало, по мнѣнію Михаила Григорьевича, изслѣдованія пространствъ къ устьямъ Сырь-Дары или отдельными заслуживающими довѣрія личностями, или цѣлой вооруженной экспедиціей. «Займемъ ли мы Кунградъ, или пунктъ выше его,—писалъ онъ далѣе,—мы однаково должны быть готовы къ противодѣйствію всей Средней Азіи. Занятіе Сыра, не стоявшее намъ большихъ усилій, не можетъ служить руководствомъ для дѣйствій нашихъ на Аму. Хива и Бухара обеспечены со стороны Сырь-Дарынскій линіей безводною степью³⁾, доступъ отсюда возможенъ для насъ только вверхъ по Сыру въ Кокандъ. Путь этотъ весьма кружный, а въ верхней своей части го-

¹⁾ Успѣніиныхъ проникнуть далѣе во владѣнія враждебныхъ намъ азіатскихъ деспотовъ.

²⁾ Это писалось въ 1859 году.

³⁾ Этю-то безводною степью былъведенъ падъ несчастныї отрядъ во время хивинской экспедиціи.

ристая мѣстность представляетъ врагамъ нашимъ удобство для обороны. Потому-то средне-азіатские владѣльцы не были слишкомъ встревожены утверждениемъ нашимъ на низовьяхъ Сыра. Съ занятіемъ же низовьевъ Аму мы открываемъ себѣ пути въ отдаленные мѣста Средней Азіи и заставимъ народы, тамъ обитающіе опасаться за свою независимость. Поэтому можно предположить, что враждующіе между собою средне-азіатские владѣльцы соединятся предъ общею опасностью и при подстрекательствѣ иностраннѣхъ агентовъ. Ихъ сторону примутъ и туркмены въ надеждѣ на добычу. Тѣмъ не менѣе занятіе Аму-Дарыи привнесетъ намъ несравненно болѣе выгодъ, нежели владѣніе Сырь-Дарьиною, но для достиженія этой цѣли необходимо употребить и соразмѣрные средства».

Таково было мнѣніе Черняева съ широкой государственной точки зрењія относительно грядущихъ событий въ Средней Азіи, предложенныхъ обсужденію его непосредственнымъ начальствомъ.

Ясно, точно, какъ все, что выходило изъ-подъ пера Черняева, вопросъ былъ обсужденъ имъ практически-всесторонне. Записка эта представляетъ краткое энциклопедическое описание низовьевъ Аму до Кунграда, на станицахъ которой живой наблюдательностью автора занесены топографія Аму и ея притоковъ, описание различныхъ пародовъ, осѣвшихъ тамъ, значеніе Кунграда въ административномъ и военномъ отношеніяхъ, тамъ перечислены мѣстные средства продовольствія и способы ихъ доставки, условія добыванія тоилива, указаны луга и выгоны, намѣчены мѣста и характеръ предполагаемыхъ укрѣплений, численность гарнизоновъ. Ничто не ускользнуло отъ внимательно-наблюдающего взгляда молодого подполковника, все было предвидѣно его практическимъ здраво-мысліемъ.

Записка эта, кроме того, множествомъ выписокъ доказываетъ основательное знакомство его съ литературой Средней Азіи, русской и иностранной, съ которой онъ успѣвалъ познакомиться, несмотря на то, что служба перебрасывала его постоянно съ одного конца Россіи на другой.

Капитанъ Бутаковъ, плавая по Аральскому морю на судахъ своей флотиліи, заѣхалъ въ сѣверо-восточную часть его и тамъ, въ заливѣ Сары-Чаганакъ, нашелъ какую-то бухту, которую призналъ удобной для перегрузки на свои суда тяжестей съ транспорта, приходившихъ изъ Оренбурга на Сырь-Дарьинскую линію. Свои совершенно, какъ будетъ объяснено ниже, предположенія онъ сообщилъ генерал-адютанту Катенину. Этотъ послѣдній, проживая въ Оренбургѣ за восемьсотъ слишкомъ верстъ отъ Аральского моря, при самомъ первобытномъ способѣ сообщенія съ фортомъ Перовскимъ, приказалъ командующему Сырь-Дарьинской

линей обсудить это дѣло, а этотъ спаса прибѣгнуль къ исполнению-
щему должностъ начальника своего штаба.

Въ половинѣ ноября Михаилу Григорьевичу было приказано
изслѣдовать пятиадцативерстный путь отъ Куль-Кудука къ на-
мѣченной капитаномъ Бутаковымъ бухтѣ, разузнать, могутъ ли
быть вырыты близъ моря колодцы для питьевой воды и существуетъ
ли по близости бухты подножный кормъ.

Въ заключеніе этихъ практическихъ работъ па Михаила Григо-
рьевича была возложена обязанность представить особое сообра-
женіе на основаніи всѣхъ собранныхъ имъ свѣдѣній о средствахъ
и матеріалахъ, какіе потребуются для устройства на бухтѣ при-
стани.

И вотъ въ суровую зимнюю пору съ иѣсколькими казаками
пustился онъ въ безбрежныя снѣговыя равнины, прилегающія къ
Аральскому морю. Жилищемъ ему служила обвѣваемая буранами
киргизская кибитка, согрѣваемая горящимъ спиртомъ. Скитанія
и изслѣдованія его въ этой обстановкѣ продолжались иѣсколько
недѣль. За это время въ мерзлой землѣ имъ были вырыты два ко-
лодца: одинъ на разстояніи полуторы версты отъ бухты и другой—
въ трехъ съ половиною верстахъ, глубиною въ три сажени. Но
ни въ томъ, ни въ другомъ колодцѣ воды не оказалось. Обратившись
тогда къ разспросамъ жителей иѣсколькихъ ауловъ, кочевавшихъ
по близости, Михаилъ Григорьевичъ утвердился въ убѣжденіи,
что прѣсной воды въ окрестностяхъ добыть нельзя, потому что
по отсутствію ея киргизы прибывали сюда на кочевые только тогда,
когда выпадалъ снѣгъ, которымъ пользовались и люди, и скотъ
ихъ. На основаніи этихъ данныхъ дальнѣйшая гидрографическая
работы были имъ, съ присущею ему практичностью, прекращены.

Сары-Чаганакская бухта, окрестности которой поручено было
Михаилу Григорьевичу обслѣдовать и занести на карту, наход-
ится въ сѣверной части залива того же имени. Она окружена
рыхлыми солончаками, съ запада граничащими съ нагорными бе-
регами, а съ сѣверной стороны съ широкая полоса солончаковъ
соединяется узкими перешейками между песчаными холмами съ
другими болѣе обширными солончаками, лишенными всякой
растительности, тогда какъ песчаныя пространства около бухты
покрыты рѣдкою, ногодною для корма скота травою. Топливо же
изъ мелкаго саксаула и кустарника тоже можно было добыть на
песчаной косѣ, ограничивающей бухту съ сѣверной стороны. Так-
ковы были данные, добытія Михаиломъ Григорьевичемъ.

Караваны и транспорты, идущіе изъ Оренбурга, дойдя до бух-
ты, по мысли капитана Бутакова, должны были погрузить свои
товары на суда, которые спачала по морю, а затѣмъ по Сыру доста-
вляли бы ихъ къ Перовску. Но такъ какъ транспорты изъ Орен-
бурга, доставлявшіе въ то время войску нашему все необходимое,

на обратномъ пути изъ Перовска набирали хлопокъ, то вся выгода отъ предложеія капитана Бутакова состояла единственно въ тѣмъ, что караваны верстъ триста пятьдесятъ отъ бухты до Перовска проходили бы порожнякомъ.

Кромѣ неизбѣжной порчи товара и платы за его перегрузку, Сыръ-Дарья въ половодье вслѣдствіе существованія Кось-Аральскаго бара доступна была въ этомъ мѣстѣ только судамъ плоскодоннымъ, поэтому пароходъ «Перовскій» по возвращеніи экспедиціи капитана Бутакова изъ-подъ Кунграда перетаскивался въ рѣку черезъ баръ на людяхъ. Все это дѣлало затѣю капитана Бутакова совершенно академической, и полная ся непрактичность была выставлена въ рапортѣ Михаила Григорьевича.

По поводу этого дѣла генералъ-майоръ Данзасъ писалъ подполковнику Черняеву: «Милостивый государь Михаилъ Григорьевичъ, покорнѣйше прошу доѣтавить ваше мнѣніе о портѣ въ Сары-Чаганакѣ. Если вы опасаетесь, что изслѣдованія ваши я присвою себѣ, то не угодно ли будетъ составить отдѣльную записку, которую я отправлю въ дополненіе къ моему рапорту объ этомъ предметѣ. Примите и проч.».

Таковы были отношенія Михаила Григорьевича, человѣка практики и здраваго смысла, къ своему непосредственному начальнику. Очевидно, они складывались въ этомъ духѣ понемногу съ самаго начала, дѣло же каторжника Досчана, о которомъ будетъ сказано ниже, привело ихъ къ совершенному разногласію и полному разрыву.

Во время приѣзда своего въ Перовскъ, на Сыръ-Дарьинскую линію, оренбургскій генералъ-губернаторъ А. А. Катенинъ, кстати сказать, истый баринъ и хлѣбосоль, любившій лихую солдатскую пѣсню и самъ любимый подчиненными, объявилъ всепародно прощеніе всѣмъ туземцамъ, совершившимъ какое-либо преступленіе, съ тѣмъ, чтобы бѣжалвшіе въ коканскіе предѣлы безбоязненно возвратились въ свои аулы.

Вслѣдствіе этого циркуляра одинъ изъ бѣжалшихъ, бывший каторжникъ Досчанъ, со всей своей семьей и почти пятьдесятью родственниками, женщинами и дѣтьми, перешелъ напрѣту границу и явился съ повинной къ надворному совѣтнику Осмоловскому, управлявшему киргизами Сыръ-Дарьинской линіи. По дорогѣ эта маленькая орда была почти догола ограблена коканскими киргизами и предстала предъ русскою властью въ самомъ плачевномъ видѣ. На допросѣ Досчанъ подробно, съ чистосердечной наивностью истаго дикаря повѣдалъ свою любопытную биографію.

Родился онъ около гор. Троицка, върѣ исповѣдалъ магометанскую, имѣлъ двадцать девять лѣтъ отъ рода. Лѣтъ за восемь до своего послѣдняго появленія въ русскіе предѣлы находился со-

вершению безвинно подъ судомъ за мнимое нападеніе на слѣдовавшаго въ гор. Троицкъ повѣреннаго пилтейшаго откупа. По состоявшемуся рѣшенію суда наказаніе шиницрутонами черезъ тысячу человѣкъ дважды и затѣмъ сослать въ каторжныя работы на троицкій солеваренный заводъ Иркутской губерніи. Оттуда черезъ мѣсяцъ онъ бѣжалъ, былъ пойманъ и посаженъ подъ стражу въ Михайловскомъ укрѣплѣніи.

Здѣсь онъ содержался на гауптвахтѣ, въ арестантской комнатѣ, закованный въ конскія желѣзныя пугти. По прошествіи несколькиx дней, замѣтивъ, что ночью караульные спятъ, ключъ же отъ путь находится въ караульной, онъ вышелъ изъ своей камеры, которая была не заперта, снявъ ключомъ пугти и, выйдя на свободу, сталъ, подобно вѣтру въ полѣ, разѣзжать по степи, по возлѣ форта Перовска былъ снова пойманъ и посаженъ подъ стражу. Тогда ночью онъ выползъ изъ палатки, снявъ съ себя оковы, которыя были широки, и, ползкомъ добравшись до лошадей, вскочилъ на лучшую изъ нихъ, принадлежавшую начальнику отряда, и черезъ десять дней, питаясь по дорогѣ крадеными баранами, добрался до своего аула, возлѣ Николаевскаго укрѣплѣнія. Здѣсь, забравъ жену и родственниковъ, пошелъ въ кокандскіе предѣлы, укравъ по дорогѣ четырнадцать верблюдовъ у непѣвѣстныхъ ордынцевъ, «никому другого ущерба никогда не сдѣлавъ».

Въ Кокандѣ онъ со всеми товарищами поступилъ на службу къ яны-курганскому беку, принявшему его очень ласково и пожаловавшему его въ джузъ-бashi. Затѣмъ бекъ отправилъ его въ Туркестанъ къ мирзѣ Ніязу, который приказалъ емуѣѣздить на грабежъ къ ордынцамъ бухарского и русского вѣдомства. Во главѣ порученныхъ ему киргизовъ и коканцевъ онъ угнали много скота, но гдѣ именно и сколько,—это въ его памяти не сохранилось.

Не довольствуясь добычей скота, мирза Ніязъ поручилъ Досчану подъ фортомъ Перовскимъ захватить одного русскаго. Отправившись во главѣ пяти коканцевъ и шести киргизовъ на урочище Джарты, Досчанъ замѣтилъ человѣкъ десять русскихъ. Бросившись на нихъ и потерявъ одного изъ товарищѣй, онъ преслѣдовалъ русскихъ около двухъ верстъ. Во время этой скачки однѣ изъ киргизовъ сбились съ лошади пікою магистра зоологии Сѣверцева ¹⁾, котораго Досчанъ затѣмъ доставилъ въ Кокандъ, получивъ въ награду десять тилей и серебряную саблю.

Возвращеніе Сѣверцева русскимъ послѣ плѣна опять-таки было поручено Досчану, который во главѣ пятнадцати киргизъ, защищая

¹⁾ Увлекаясь своимъ орнитологическими и ботаническими изслѣдованіями, орнитологъ Сѣверцевъ отѣхалъ слишкомъ далеко отъ главнаго отряда подъ начальствомъ Михаила Григорьевича и былъ схваченъ коканцами. Весь израненный холоднымъ оружіемъ, съ отрубленными почти ухомъ, онъ былъ совершенно вылѣченъ травами местными знахарями.

цлѣшинка отъ нападенія враждебной шайки туземцевъ, быть раненъ ружейной пулей въ плечо. Послѣ этого подвига онъ болѣе никакихъ порученій не исполнялъ, товарищи же его ограбили караванъ, шедшій изъ Троицка въ Ташкентъ, взявъ сто верблюдовъ, но бросивъ по дорогѣ всѣ товары, которые Досчанъ обратилъ въ свою собственность.

Вскорѣ послѣ этого бій, управлявшій жительствующими возлѣ Перовска киргизами, послалъ всѣмъ сородичамъ своимъ Кипчакова рода, откочевавшимъ въ коканскіе предѣлы, письмо, гдѣ Досчанъ былъ поименованъ отдельно, призываю ихъ всѣхъ возвратиться въ русское подданство. Призывъ этотъ былъ основанъ на объявленіи, такъ сказать, представителемъ Бѣлаго Царя, оренбургскимъ генераль-губернаторомъ, полнаго прощенія тѣмъ, кто въ чёмъ-либо провинился предъ русскою властью и изъ страха наказанія откочевалъ въ предѣлы азіатскихъ властителей. Досчанъ во главѣ многочисленныхъ сородичей откликнулся на этотъ призывъ и повѣдалъ чистосердечно вышеприведенную повѣсть жизни своей.

Что же дѣлаетъ русская власть въ лицѣ генерала-майора Данзаса съ довѣрчивымъ дикаремъ, представителемъ своеобразнаго міровоззрѣнія мѣстныхъ азіатовъ? Злополучнаго киргиза сажаютъ въ тюрьму, предаютъ военному суду и приговариваютъ къ повѣшению.

Трагедія эта взволновала всю Сырь-Дарынскую линію, обративъ на себя вниманіе и русскихъ, и туземцевъ. Надворный совѣтникъ Осмоловскій, управлявшій сырь-дарынскими киргизами, очень ими любимый, частью своей популярности приписавшій возвращеніе Досчана, тщетно иѣсколько разъ заѣзжая по этому дѣлу къ Данзасу, не пожелавшему его принять, написалъ ему письмо, полное жалости къ осужденному, представляя па видѣ смягчающія дѣло обстоятельства и убѣждая это дѣло представить до исполненія приговора корпуспому командиру, на основаніи циркуляра, котораго Досчанъ и отдался въ руки русскимъ.

Къ этой безцѣльной жестокости, ронявшей значеніе русской власти въ глазахъ азіатцевъ, не могъ остаться безучастнымъ Михаилъ Григорьевичъ. «Не одно состраданіе,—пишетъ онъ Данзасу со свойственной ему рѣшительной прямотой,—заставляє меня говорить въ пользу преступника, со всей семьей своей добровольно отдавшагося на великодушіе русскихъ властей, но и убѣжденіе, что казнь его несовмѣстима съ достоинствомъ нашего правительства и поведетъ къ утратѣ довѣрія къ нашимъ возваніямъ, подобно тому, какъ утратилась уже всякая вѣра къ нашимъ угрозамъ». Оканчиваетъ онъ свое письмо указаниемъ, что «члены военного суда имѣли на первомъ пленѣ желаніе рѣшить дѣло согласно мнѣнія своего начальника».

Если же Досчанъ не подлежалъ помилованію, это слѣдовало оговорить въ циркулярѣ ко всесобиющему свѣдѣнію.

Пашисаъ Осмоловскому безконечно-щудиоес письмо, выставляи въ оправдаиіе своихъ дѣйствій преніущество долга предъ чувствомъ состраданія, съ хвастливымъ упоминаніемъ о своемъ характерѣ, глубокомъ и твердомъ по преимуществу, генералъ Данзасъ отвѣтилъ Михаилу Григорьевичу та же пространно и довольно по рѣзко.

Однако, несмотря на оба протеста, Досчай былъ казненъ, не удостоенный даже таинства крещенія, принять которое онъ выразилъ желаніе коменданту форта, вѣроятно, возвлагая на это свою послѣднюю надежду на помилованіе.

Фактъ этотъ снова вызвалъ письменное обращеніе Михаила Григорьевича къ генералу Данзасу съ запросомъ, на кого падеть отвѣтственность въ этомъ преступленіи противъ вѣры и закона.

«Я потерялъ бы уваженіе къ самому себѣ,—писалъ онъ,—если бы изъ одного опасенія павлечь на себя неудовольствіе начальника я отказался отъ законной попытки спасти жизнь подсудимому. Пробывъ восемь мѣсяцевъ въ Севастополѣ съ глазу на глазъ со смертью, я понимаю цѣну жизни для человѣка и только Бога и честь ставлю выше ея».

Слѣдствиемъ рѣшительного на политической подкладкѣ заступничества Михаила Григорьевича съ представлениемъ смягчающихъ дѣло обстоятельствъ было предложеніе генерала Данзаса полковнику Черняеву въ самомъ непродолжительномъ времени отѣхать въ Оренбургъ.

Дабы не подать примѣра неповиновенія, Михаилъ Григорьевичъ на третій день по полученіи предписанія отправился туда по безпріютной и бездорожной степи въ самое суровое время года. При полномъ расхожденіи своихъ взглядовъ съ начальствомъ Михаилъ Григорьевичъ считалъ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ Оренбургскомъ краѣ. Послѣ временнаго прикомандированія къ бывшему департаменту главнаго штаба, 30-го ноября 1859 г. онъ былъ назначенъ, согласно желанію своему, состоять при главномъ штабѣ кавказской арміи, где вскорѣ обратилъ на себя вниманіе и сблизился съ княземъ Барятинскимъ, однимъ изъ умѣйшихъ государственныхъ дѣятелей царствованія Александра II.

Приблизительно двухлѣтнее пребываніе Михаила Григорьевича на Сырь-Дарьинской линіи принесло ему большую пользу. Въ беспрестанныхъ командировкахъ, изѣздивъ эту страну вдоль и поперекъ, онъ изучилъ ее во всѣхъ подробностяхъ, какъ свои пять пальцевъ, и впослѣдствіи, въ 1864 г., приступивъ къ завоеванію Ташкента и покоренію Туркестана во всеоружіи опыта и знанія, онъ явилъ себя военачальникомъ, политикомъ и администраторомъ выдающейся государственной мудрости.